

На следующий день, когда уроки подошли к концу, я сразу же отправился ко входу в Туннель Урашимы, где затем ждал Андзу. Прошло уже около двадцати минут с назначенного времени встречи, но она все еще не пришла. Ждать кого-то, стоя под палящим летним солнцем и не имея возможности связаться с этим человеком, — это та пытка, которую я не пожелал бы даже своему злейшему врагу. Знай я, что это произойдет, я бы предложил пойти сюда вместе прямо из школы. В конце концов, спустя почти тридцать минут ожидания, Андзу прискакала вниз по деревянной лестнице без какой-либо спешки. Должен признать, она выглядит весьма изящно даже с большим комком марли, все еще привязанным к ее щеке.

— Привет. Долго ждал? — спросила она.

— Да. Аж целых полчаса, — проворчал я.

— Ничего себе. Фигово тебе, — сказала она без какого-либо сожаления. — Ну да ладно, зацени-ка вот это. — Она полезла в сумку и достала оттуда все еще запечатанную катушку нейлоновой веревки. — Заняло у меня вечность, чтобы найти магазин, который продает такие. Никогда не думала, насколько неудобной будет жизнь в глубинке.

— И зачем именно она нам нужна?

— Хе-хе... — злобно усмехнулась Андзу. — Мы проведем небольшой эксперимент.

Когда Андзу закончила объяснять суть ее «эксперимента», я еще раз пробежался по нему у себя в голове, чтобы убедиться, что все понял. Один из нас зайдет в туннель и будет продвигаться вперед с относительно постоянной скоростью, держась за конец веревки, в то время как другой будет стоять снаружи и держать катушку, постепенно разматывая ее, позволяя первому продвигаться дальше, но при этом оставляя веревку натянутой. Пока течение времени остается неизменным, веревка будет разматываться с приблизительно одинаковой скоростью, но как только зашедший в туннель пересечет границу, за которой время начинает искажаться, человек, оставшийся снаружи, должен сразу же заметить, что у веревки пропало натяжение. Затем человек с катушкой должен будет сразу же схватиться за веревку и дернуть, чтобы остановить зашедшего в туннель, давая тому знать, что тот пересек границу и должен возвращаться назад.

Таким способом теоретически возможно найти границу, за которой время начинает искажаться, при этом не делая десятки забегов в туннель и обратно. Я был удивлен тому, насколько умная идея родилась в голове Андзу, показывая, насколько серьезно она была настроена раскрыть тайны Туннеля Урашимы, чем я также был искренне удивлен. В конце концов, это было необъяснимым, искажающим время пространством, практически являющимся «антигиперболической камерой времени», если взять пример Шохея. Если мы не будем осторожны, то существует достаточно большая вероятность того, что, пока мы будем исследовать туннель, пройдет несколько лет, и к тому же у нас все еще нет никаких гарантий, что он и правда может исполнять желания. К этому нельзя относиться легкомысленно, и

поэтому мне было интересно, осознала ли Андзу возможные последствия в полной мере.

— Так ты готова пойти до конца, да? — спросил я.

— Ага. А почему должно быть иначе? — ответила Андзу.

— Просто мы говорим о месте, в котором недели пролетают за минуты. Одно дело, если бы можно было просто войти и выйти, и твое желание исполнится, однако мы понятия не имеем, насколько глубоко идет этот туннель. Могу сказать из личного опыта, что он также вытворяет достаточно жуткую хрень, просто чтобы заморочить тебе голову.

— Конечно, я понимаю, что это опасно. Но если ты не готов рисковать, то ничего не добьешься в жизни.

— Да, в чем-то ты, возможно, права. Вот только есть тонкая грань между бесстрашием и безрассудством.

— Что ты пытаешься сказать? Хочешь, чтобы я ушла и дала тебе исследовать туннель в одиночку? Так что ли?

— Нет, это совсем не то, что я хочу сказать. Я пытаюсь понять, насколько серьезно ты к этому относишься... Просто большинство людей будет трястись от страха, зная возможные последствия.

Андзу закатила глаза так далеко, что мне показалось, будто она вот-вот увидит свой затылок.

— Что ж, хорошо, что я не как большинство людей.

— ...Действительно ли это повод для гордости?

— Конечно. Я ненавижу обычных людей. Они никчемны.

Я не мог не засмеяться над этим.

— Блин. Какой суровый взгляд на вещи.

— Но это ведь правда. Нет никакой ценности в том, чтобы быть обычным. Дефицит существует не только в экономике. Редкий, меняющий жизнь опыт стоит в разы больше обычной повседневности. Я гораздо больше предпочту прожить короткую, но насыщенную жизнь, чем долгую и скучную.

— М-м-м... Ну, тут я с тобой соглашусь, но мне кажется, что немного несправедливо утверждать, что все обычные вещи никчемны. Типа, иногда тебе хочется чего-то привычного. А иногда бывает и такое, что обыденные вещи гораздо популярнее чего-то необычного по вполне определенной причине.

— Например?

— Например, э... скажем, лосось? Типа, я знаю, что большинство людей думает, что лосось является самым банальным вариантом, когда дело касается морепродуктов, но мне он по вкусу нравится куда больше, чем любая другая рыба подороже. Если ты сейчас пойдешь со мной в продуктовый магазин и скажешь, что купишь мне все, что я захочу, то ты точно не заметишь меня за выбором угря или чего еще. Я предпочту лосося даже на больших праздниках.

— Лично мне кажется, что угорь куда лучше лосося.

— Оу. Ну, ладно, наверное, — сказал я.

М-да уж, вот и свели разговор на нет. Но не то чтобы это не было глупой дискуссией изначально...

— Но знаешь, для обычного человека ты весьма интересный, Тоно-кун. Это мне в тебе нравится, — сказала Андзу с улыбкой до ушей.

Внезапно у меня появились бабочки в животе. У меня все еще было ощущение, будто я понятия не имею, какова эта девчонка внутри. В школе она ведет себя как самый необщительный человек, которого только можно себе представить, намеренно отстраняя себя от других. Но при этом у нее есть несколько детская, озорная сторона, и это подтверждено тем, что она вчера втайне проследила за мной до туннеля. А в очень редких случаях она показывает более женственную сторону, говоря подобные милые вещи, которые можно с легкостью неверно истолковать как кокетство. Интересно, кто же из этих трех настоящая Андзу? Возможно, ни одна из них.

— Ну да ладно, пошли. А то зря день простаиваем, — сказала она. — Пора бы нам уже начать.

— Т-точно. Прости.

Было такое ощущение, будто она ушла от разговора, ну и ладно. Сейчас нам надо заняться экспериментом.

Было быстро решено, что именно я пойду в туннель, взяв в руку конец веревки. Андзу же будет ждать с катушкой снаружи, и, когда я почувствую, что за веревку резко дернули, я должен

буду сразу же повернуть назад.

— М-да... Это напоминает мне игру в телефон, — пробормотал я себе под нос, идя вглубь темного коридора.

Еще давно мы с Карен сделали импровизированный телефон из двух алюминиевых банок и веревки, а затем играли с ним весь день. Один из нас поднимался на второй этаж и бросал из окна один конец веревки стоящему на заднем дворе, и затем мы делились друг с другом абсолютно бессмысленной информацией. Как вы можете себе представить, нам это быстро надоело, и с того дня мы больше никогда с ним не играли, однако это все еще было достаточно весело, чтобы я помнил об этом и по сей день.

— Надеюсь, я найду тебя здесь, Карен...

Смотря вперед, я прищурился и заметил тусклое сияние висящих на стенах факелов. Я приближался к воротам тории, которые все еще кажутся мне самым логичным местом для границы, за которой искажается время. Собравшись с духом, я продолжил идти вперед, не меняя скорости, и прошел через первые ворота...

Как вдруг веревка резко натянулась. Андзу подала мне сигнал, поэтому я развернулся и пошел назад к выходу. Когда я вышел из туннеля, она стояла, уперев руки в бока, выглядя донельзя гордой собой.

— Ну привет, Тоно-кун. Обрадую тебя тем, что ты пробыл в туннеле почти двадцать минут.

— Погоди, серьезно? Но я пошел обратно сразу же, как только почувствовал сигнал...

— Да, и это значит, что к тому моменту ты уже перешел границу. Ну так что, как далеко ты зашел?! Она находится прямо за первыми воротами тории, как мы и думали?!

Ошеломленный внезапным шквалом вопросов, я мог лишь кивнуть.

— Да! Это и правда сработало! — взвизгнула Андзу от восторга. Я не мог не быть очарован ее внезапным всплеском чистой, детской радости.

Теперь, когда мы знаем, где пролегает граница, мы можем с легкостью измерить, насколько сильно там искажается время. Вообще, я собирался предложить сразу же это выяснить, но вдруг осознал, что уже наступило полшестого и к тому моменту, когда мы закончим, на улице уже совсем стемнеет.

— Почему бы нам не продолжить завтра? А то уже становится поздновато, — заметил я, но Андзу замотала головой.

— Нет, мне бы очень хотелось выяснить все сегодня, если это возможно, — сказала она. — Или тебе по какой-то причине нужно скоро быть дома?

Я задумался. Обычно мне нужно быть дома, чтобы приготовить ужин до того, как отец придет с работы, но в последнее время он приходит с работы достаточно поздно, так что я решил, что могу позволить себе остаться здесь еще ненадолго.

— Не, все нормально. Давай покончим с этим.

— Вот это я и хотела услышать, — сказала Андзу, решительно кивнув. Кажется, ей и правда не терпится узнать о том, как работает туннель.

— Ладно, — сказал я. — В этот раз я попробую зайти внутрь и досчитать до трех, а затем сразу же выйду.

— Звучит неплохо. Я буду ждать прямо тут.

— Э, вообще-то, я вполне могу сделать это в одиночку, если хочешь. Просто все, что мне нужно сделать, это проверить время до и после того, как я зайду в туннель. Я попросту могу сказать тебе результаты завтра в школе.

— Я знаю. Но мы команда, помнишь? И теперь, когда мы наконец-то выяснили, где пролегает граница, мне определенно не хотелось бы пропустить такое большое открытие. Так что я останусь тут.

— ...Ты уверена? Ну, если настаиваешь. Не то чтобы я могу сказать тебе нет. Я просто хочу сказать, что если я там задержусь, то ты всегда можешь пойти домой без меня.

И вот я вновь отправился в туннель. На этот раз, как только я ступил за первые врата, я включил таймер на телефоне, отсчитал одну, две, три секунды, а затем прыгнул обратно, на другую сторону врат. Я сразу же заметил, что в туннеле стало темнее, чем когда я вошел, что говорило мне более чем достаточно о том, насколько снаружи темно. Если солнце уже зашло, то я должен был провести внутри как минимум час. Андзу, скорее всего, уже давно ушла домой.

— Черт... Это и правда показалось лишь мгновением... — пробормотал я себе под нос. И хотя технически это был четвертый раз, когда я испытал эффект искажения времени, вызванный туннелем, я все еще не привык к нему. Хотя, справедливости ради, как вообще можно привыкнуть к такому странному, сверхъестественному явлению? Внезапно охваченный сильным чувством беспокойства, я ускорил шаг, желая лишь убраться подальше от этих жутких врат тории, стоящих за моей спиной. Когда я вышел из туннеля, мое предположение оказалось верным: пелена ночи раскинулась над горизонтом. К моему удивлению, мое второе предположение оказалось в корне неверным.

— Ого! Ты все еще здесь? — удивился я, глядя на Андзу, сидевшую на земле в темноте, зарывшись лицом в колени.

— ...Разве я не сказала, что буду ждать тебя? — опомнилась она, резко подняв голову. В ее голосе была слышна смесь раздражения и облегчения.

Если подумать, — то, как я акцентировал внимание на словах «все еще», возможно, прозвучало немного грубо, особенно если учесть, насколько, скорее всего, мучительно было ждать меня в темноте бог знает сколько. Я сразу же начал жалеть, что не подобрал слова получше, и поэтому застенчиво принес извинения. Андзу же не обратила на это никакого внимания. Вместо этого ее глаза широко распахнулись, словно у нее случилось внезапное прозрение.

— Ладно, хватит об этом! — воскликнула она. — Сколько сейчас времени?!

— А, блин! Точно.

Я совершенно забыл проверить время на обратном пути. Андзу мигом вскочила на ноги и проверила время, не тратя ни секунды на то, чтобы стряхнуть грязь с зада юбки. Очевидно, заинтересованный, я тоже подошел взглянуть на время. Кажется, прошло ровно два часа с того момента, как я зашел в туннель. Целых два часа прошло за каких-то три секунды. Что означает...

— Получается, одна секунда в туннеле равна примерно сорока минутам снаружи... — прошептала Андзу себе под нос, придя к тому же умозаключению. Затем она быстро залезла в портфель, достала оттуда ручку с тетрадкой, открыла ее на пустой странице и начала расписывать какие-то вычисления. Я был удивлен тому, насколько быстро она считала в уме. Я знал, что она умная, но чтобы настолько? Когда ее ручка наконец-то остановилась, я посмотрел в тетрадку и проверил ее записи. Там был список различных гипотетических периодов времени в туннеле, за которыми следовали их эквиваленты из внешнего мира.

1 сек = 40 мин

1 мин = 40 часов

1 час = 100 дней

1 день = 6.5 лет

Таковы были результаты ее вычислений. Андзу развернулась ко мне и взглянула на меня широко открытыми глазами, блестящими от волнения.

— Шесть с половиной лет за один день! Да вы шутите?! С ума сойти! Это место можно буквально использовать как криокамеру и перенестись в далекое будущее!

Она словно в миг совершенно забыла о последних двух часах скуки.

— Д-да, это и правда довольно безумно. Но в то же время...

Пока Андзу была вне себя от радости, словно мы наткнулись на открытие века, темное облако сомнения в моей груди становилось все больше и больше. Шесть с половиной лет за день, два десятилетия за три. Этот туннель и правда можно использовать для самых настоящих путешествий во времени, тут никаких сомнений. Однако это также означает оставить все в «прошлом». Все наши одноклассники выпустятся и найдут работу уже без нас, и все, кого мы знали, постареют, в то время как мы совершенно не изменимся. К тому моменту, когда мы выйдем из туннеля, старшей школы Козаки уже может и не быть, и я уже не говорю о своем небольшом доме.

Это те изменения, с которыми Андзу придется иметь дело, если Туннель Урашимы исполнит ее желание, и мне было интересно, правда ли она к ним готова. Ну как в случае, если туннель исполнит ее желание, так как у нас все еще нет доказательств тому, что он и правда может это сделать. К тому же, возможно, существует еще множество опасностей, связанных с туннелем, которые поджидают таких доверчивых идиотов, как мы. Может быть, как только ты зайдешь достаточно глубоко, ты больше не сможешь вернуться. Конечно, я был готов пойти на все эти риски, если это значит, что у меня будет хоть малейший шанс вновь увидеть свою младшую сестру, но я понятия не имел, чего желает Андзу и каковы ее мотивы.

Я бросил на нее взгляд. Ее лицо все еще было красным и полным экстаза от волнующих возможных применений нашему новому открытию. Она нисколько не боялась, даже стоя перед лицом таких ужасных возможных последствий. Она по-прежнему была полна решимости покорить Туннель Урашимы, даже если явно понимала, что заходить в него, не проявив должной осторожности, было плохой идеей.

Эй, Ханаширо. Почему ты так сильно им интересуешься? Что ты надеешься получить?

Я был очень близок к тому, чтобы сказать эти слова, но проглотил их в последнюю секунду. Последнее, чего мне хотелось, это испортить ей праздник, когда она явно радовалась от души. Кроме того, у меня будет еще много возможностей спросить Андзу о ее мотивах и целях. Но что я мог сказать с уверенностью, так это то, что нам следует дождаться следующего дня и уже тогда продолжить расследование, чтобы мы оба смогли сделать необходимые приготовления и чтобы Андзу смогла успокоиться и вновь начала мыслить рационально. А пока что небольшое празднование в честь хорошо прошедшего эксперимента точно никому не повредит.

Прошло два дня с тех пор, как мы выяснили точное значение того, насколько сильно искажается время в Туннеле Урашимы. Я сидел напротив Шохея, ведя с ним разговор ни о чем, пока мы ели свои обеды, как вдруг мне на глаза попала Андзу. От нее исходила холодная аура неприступности, пока она в одиночку ела бутерброд, и этого почти хватило, чтобы

убедить меня, что ее искренняя сторона, которую я увидел пару дней назад, была лишь игрой моего воображения. К счастью, на ее щеке больше не было огромного рубца, как и куса марли.

— Чувак, ты опять уставился на новенькую, — проворчал Шохей.

— М? — сказал я, сделав глоток кофейного молока из банки и убрав изо рта соломинку. — А что в этом такого? У тебя к ней чувства? Ты у нас ревнивый?

— Ой, да заткнись ты. А не то я тебе задницу надеру.

— Хе. Потихе, приятель. Я просто шучу.

— Серьезно, чувак, если она тебе так интересна, то тебе надо подойти к ней и сказать что-нибудь. Ты никогда не станешь ей другом, просто смотря на нее издалека, как извращенец.

— Да, знаю.

Я никому не сказал о своих новых рабочих отношениях с Андзу. В основном по причине того, что это привлекло бы к нам обоим слишком много ненужного внимания. Я могу лишь предполагать, что она по той же причине избегает разговоров со мной, пока мы находимся в школе.

— Но я не то чтобы хочу быть с ней прямо друзьями, — продолжил я. — Меня просто заинтересовало то, как она себя ведет, вот и все. Никогда не знаешь, что она сделает дальше.

— Хм... Ну, она и правда довольно загадочна, тут ты прав. Да че уж там, я слышал, что кто-то заметил, как она пару дней назад перебралась через забор на железную дорогу. Кому вообще надо вытворять подобную хрень?

— ...Да, хороший вопрос.

Так ее все-таки заметили, да?.. Я ожидал, что она будет куда осторожнее.

— А, точно, я тут че вспомнил! — выпалил Шохей. — Я также слышал небольшой слухок о гребаном парне Кавасаки. Говорят, что он бросил школу.

— Погоди, чего? Серьезно?

— Агась. Вроде что-то про то, как он должен перенять семейный рыболовный бизнес. Вот только мне кажется, что ему слишком стыдно показываться в школе после того, как его избила

девчонка.

— Хе. Ну и поделом ему. Надеюсь, это поможет ему немного развить характер.

— Это точно, — сказал Шохей, набивая щеки огромным онигири.

Если подумать, с того дня Кохару также не появлялась в школе. Интересно, бросит ли и она школу.

Наконец-то уроки подошли к концу. И как только я закрыл учебник и засунул его в портфель, по громкоговорителю прозвучало объявление.

— Каору Тоно из класса 2-А, пожалуйста, пройдите в учительскую. Повторяю: Каору Тоно...

Это был голос Хамамото-сенсей.

— Ой-ой, братиш. Что ты натворил на этот раз? — подшутил Шохей.

— Черт его знает, — пожал я плечами. И это было правдой, я действительно не имел понятия.

Я собрал свои вещи и вышел из класса, а затем встретился взглядом с Андзу, когда прошел мимо нее в коридоре. Она молча кивнула, после чего развернулась и пошла вниз по лестнице... но я не был уверен, означало это «Я подожду тебя снаружи» или же «Давай тогда отменим эксперименты на сегодня». Было бы хорошо, используй она слова, но увы, мне совершенно не хотелось бежать за ней и спрашивать об этом, так что я направился напрямик в учительскую, повернув за следующим углом налево. Я протянул руку к двери, стоящей в конце коридора, тихонько открыл ее и объявил о своем прибытии, а затем проскользнул между кабинками к столу Хамамото-сенсей.

— Эм, Хамамото-сенсей? Вы звали? — спросил я, и она повернулась ко мне лицом. Затем, отложив в сторону чей-то тест, который она проверяла, она развернулась на стуле и одарила меня широкой и дружелюбной улыбкой.

— А вот и ты, Тоно-кун. Прости, что вызвала тебя так внезапно.

— Все в порядке. Так что Вы хотели?

— Что ж. Вообще, это насчет Кавасаки-чан.

— О? А что с ней?

— Ну, я уверена, ты заметил, что она не появлялась в школе последние несколько дней. Она позвонила и сказала, что неважно себя чувствует, но я начинаю немного за нее беспокоиться. Думала, что если она скоро не появится, то мне придется позвонить ей домой.

— Та-а-ак... — сказал я.

А я-то вообще какое имею к этому отношение?

— Вот тут-то мне и нужна твоя помощь, Тоно-кун. Будь добр и отнеси Кавасаки-чан летнее домашнее задание по английскому.

— Э? Я?

— Да, ты. Я уже спросила у нескольких ее друзей, хотят ли они это сделать, но они все оказались слишком заняты.

Предполагаю, она говорит о свите Кохару. Скорее всего, о тех девчонках, которых зовут Ханеда и Садо. Думается мне, что они отказали Хамамото-сенсей либо из-за лени, либо назло. Поэтому ей и пришлось обратиться ко мне.

— Вы двое учились в одной средней школе, верно? — спросила Хамамото-сенсей. — Так что я предположила, что ты, скорее всего, знаешь, где она живет.

— Ну да, знаю...

— Тогда я могу рассчитывать на тебя?

Она поставила меня в затруднительное положение. Мы с Андзу планировали встретиться и исследовать Туннель Урашимы. Однако, даже если бы мы не запланировали это, мне все равно не очень-то хотелось заниматься неблагодарным трудом ради девчонки, которая сама постоянно заставляла меня заниматься неблагодарным трудом.

— Простите, у меня есть планы на сегодня...

— О? И какие же?

— Я собирался погулять с другом.

— Неужели? И чем конкретно вы собирались заниматься? — поинтересовалась Хамамото-

сенсей, отчего я немного опешил, гадая, почему учителю может понадобится знать это. Затем она улыбнулась и сбросила бомбу:

— Надеюсь, не очередным воссозданием сцены из «Останься со мной»*?

[П/П: Останься со мной — драма, снятая по повести Стивена Кинга «Тело». По сюжету в одном провинциальном городке пропал мальчик. Один из главных героев услышал от своего друга, что тот нашел труп мальчика, которого, вероятно, сбил поезд, но не решился пойти в полицию, т.к. в это время катался на угнанной машине. Узнав, что за его нахождение назначили награду, главные герои отправляются на поиски трупа мальчика.]

— ...Что, простите?

— На днях школа получила информацию от очевидца, который видел, как «тот парнишка по имени Тоно» незаконно шел по железной дороге. Ты, случайно, ничего об этом не знаешь?

Вот блин. Кто-то заметил меня? А ведь я только что осудил Ханаширо ровно за то же самое...

— Э, да, насчет этого... Суть в том, что я опоздал на поезд и не мог позволить себе ждать следующий, так что я решил немного срезать путь до дома и, э...

— Так это и правда был ты, — вздохнула она от разочарования. — Эх, Тоно-кун. Знаешь, обычно в таких случаях мы должны позвонить и рассказать об этом родителю или опекуну...

О боже.

Если мой отец узнает об этом, то мне будет ой как несладко. Не видя другого выхода, я запаниковал и начал молить о пощаде.

— М-мне очень жаль! Я обещаю, этого не повторится! Только, пожалуйста, не звоните мне домой...

— Ты не дал мне закончить.

Я сразу же замолчал и выслушал, что Хамамото-сенсей хотела мне сказать.

Оказывается, человек, сообщивший об этом, попросил, чтобы школа обошлась лишь простым предупреждением, поскольку он знал, что несколько лет назад в моей семье настали «тяжелые времена», и Хамамото-сенсей решила отнестись с уважением к его пожеланию. Я не был уверен, быть ли мне благодарным доброте этого незнакомца. Меня частенько раздражает, насколько быстро расходятся слухи в нашей удаленной сельской общине, поскольку это означает, что все знают о каждом неприятном секрете нашей семьи.

— Тем не менее, пожалуйста, больше не ходи по железной дороге, ладно? Тебя буквально могли переехать насмерть, и, даже если бы ты этого избежал, тебе все еще пришлось бы выплачивать немалый штраф за то, что из-за тебя остановился поезд.

— Да... Этого больше не повторится.

— Отлично. Что ж, тогда, наверное, я спущу тебе это с рук на этот раз... — начала Хамамото-сенсей, прежде чем сделать зловещую паузу. — Однако у тебя в последнее время было много пропусков и опозданий, так что, наверное, звонок на дом все-таки необходим. Но это только в том случае, если ты не готов доказать мне свою решимость стать лучше.

— И как же мне это сделать?

— О, я даже не знаю... Может, ты предложишь мне свою помощь и наведишь ученицу, которая в последнее время не появлялась в школе? А заодно, может, принесешь ей домашнее задание?

Так это была плохо завуалированная угроза. Делай, как она скажет, иначе она позвонит моему отцу.

— ...Ладно. Я отнесу Кавасаки ее задание.

— Правда? О, да благословит тебя бог! Вот, держи! — сказала она, вручая мне скрепленные степлером листы бумаги с домашним заданием по английскому. Я засунул их в файл и положил в портфель. Выйдя из учительской, я сделал себе заметку, что теперь нам нужно найти другой путь к туннелю, даже если он окажется огромным крюком. Вновь идти по железнодорожному пути будет слишком опасно.

Что ж. Мне нужно дать Андзу знать, что на меня свалили работу по доставке домашнего задания, а также то, что люди заметили, как мы идем по рельсам. По идее, Андзу знает, что меня вызвали в учительскую, но я не был уверен, где мне ее сейчас искать. Для начала я решил проверить классную комнату, но ее там не оказалось. Затем я предположил, что она может ждать у главного входа в здание школы, но там ее тоже не было. Наверное, это возможно, что она ушла домой или направилась к Туннелю Урашимы в одиночку, но...

Ха-а.

Из-за таких вот случаев я начинаю жалеть, что мы не обменялись номерами телефонов. Прочесывание каждого уголка школы мне мало что даст, так что я сменил обувь на уличную и вышел из здания, осматривая по пути школьный двор. Как только я прошел через главные ворота, я услышал зовущий меня из-за спины голос.

— Тоно-кун.

— Боу! Боже, ты меня напугала...

Конечно же, это была Андзу. Она ждала в стороне от главного входа, скрестив руки и прижавшись спиной к стене.

— Долго же ты, — сказала она угрюмым голосом, отталкиваясь от стены.

— Прости, я пытался найти тебя. Я бы позвонил тебе, но...

— А, точно. Я же так и не дала тебе свой номер, да?

— Не-а. Но да, я как раз думал, что нам надо бы обменяться ими. По крайней мере, так нам будет гораздо удобнее.

— Да, хорошо! — воскликнула Андзу, звуча на удивление восторженно, а затем потянулась в карман и достала оттуда телефон, после чего мы быстро добавили номера друг друга в списки контактов.

— Это так волнующе! — завизжала она. — Я никогда прежде не обменивалась ни с кем номерами!

— Ничего себе, серьезно?

— А что насчет тебя, Тоно-кун?!

— Да, это достаточно в новинку и для меня. Ты второй человек, чей номер я смог получить.

Первый номер был Шохея, так, на заметку.

— ...Второй, да? Какой ты у нас особенный, — проворчала она. Выражения ее лица за секунду изменилось с радостного на невозмутимое. Это была довольно резкая смена настроения. Она вышла из своего списка контактов и засунула телефон обратно в карман. — Так, я слышала, что тебя позвали в учительскую. По какому поводу?

— А, да. Кажется, кто-то заметил, как я шел по железной дороге, так что меня отчитали за это. Ничего серьезного.

— Хм. Ну, ладно.

— Кстати говоря, я слышал, что кто-то заметил за этим и тебя, так что нам больше не следует ходить тем путем. Но я не говорю, что все настолько серьезно. Я б сказал, что я отделался

относительно легко.

— Относительно?

— Эм, да... Ну, э... — начал я, почесывая щеку одним пальцем. — На самом деле, мне придется выполнить поручение Хамамото-сенсей. Нужно сходить к дому Кавасаки и отдать ей домашнее задание.

— Кавасаки... — повторила Андзу, а ее лицо помрачнело, как бы говоря: «Как смеешь ты произносить это имя в моем присутствии?». И, ну... после всего, что Кохару ей сделала, я не могу винить ее за это.

— Да, так что я думаю, что нам придется отменить сегодняшнее расследование. Прости.

— ...Хорошо.

— В любом случае мне надо идти. Увидимся завтра, — сказал я и пошел к ближайшей автобусной остановке. Затем что-то схватило меня за лямку портфеля, так что я развернулся. Андзу уставилась мне прямо в глаза.

— Ч-что такое? — спросил я.

— Я тоже пойду.

— Э?

С чего вдруг такая перемена настроения? Я был абсолютно уверен, что Андзу ненавидит Кохару всем сердцем... Или, возможно, она хотела пойти со мной именно потому, что хотела свести с Кохару счеты? Она хочет мести?

— Э-э-э, ты уверена? Речь идет о доме Кавасаки.

— Да, я слышала тебя и в первый раз.

— Не думаешь, что ситуация станет неловкой или враждебной?

— О, еще как. Нисколько этому не удивлюсь.

«Тогда на кой черт ты хочешь пойти со мной?» — захотел я спросить.

Перед тем, как я смог набраться смелости задать этот вопрос, Андзу нетерпеливо вздохнула.

— Однако, раз уж расследование откладывается, мне сегодня больше нечего делать. Так что я решила присоединиться к тебе, чтобы убить немного времени, вот и все. Или ты не хочешь, чтобы я пошла с тобой?

— Ну, ладно, наверное... Но мы просто отдаем домашнее задание и уходим. Так что надеюсь, я не поймаю тебя за размахиванием кулаками.

— Вау, как грубо. Я бы никогда так не поступила.

— Или ногами.

— Я бы никогда так не поступила.

На этом мы покинули территорию школы и запрыгнули в автобус. Нам нужно проехать шесть остановок, откуда до дома Кохару рукой подать. Мы покинули школу довольно поздно, поэтому в автобусе ехало очень мало учеников из нашей школы, и никто из них определенно не был первогодкой, как мы. Мы сидели в самом конце автобуса, и я лениво устремил взгляд в окно, наблюдая за проплывающим мимо нас пейзажем.

Когда мы проехали в тени от близлежащего холма, я увидел в окне отражение Андзу. Она села рядом со мной, уткнувшись носом в книгу сразу же, как только мы заняли места. Интересуясь, что за книгу она читает, я попытался рассмотреть обложку в отражении, но разглядел лишь иллюстрацию сидящего кота. Скорее всего, это была одна из тех историй по типу «какова была бы жизнь от лица животного». Я знал лишь то, что она читает эту книгу уже довольно долго, так как это та самая книга, которую она читала перед тем, как ударить Кохару в нос.

— Так ты ненавидишь Кавасаки или что? — спросил я внезапно, отворачиваясь от окна.

— Ага. Не переносу ее, — сказала Андзу без колебаний, не отвлекаясь от чтения книги.

— Тогда зачем ты идешь к ней домой?

— Потому что я хочу пойти туда же, куда и ты.

Она сказала это так, будто это самая очевидная вещь в мире, отчего мое лицо сильно покраснело.

Тихо, Каору. Не пойми неправильно. Вы просто работаете вместе. Ничего более.

Я прочистил горло, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие.

— Знаешь, тебе не следует так легко говорить подобные вещи, — предупредил я ее.

— Почему так?

— Э, потому что любой другой, скорее всего, понял бы это неправильно, и это разбило бы их бедное сердце? Просто догадка.

— Ну, я бы и не сказала это никому, кроме тебя.

— ...Мне кажется, ты меня переоцениваешь. Я просто обычный, скучный старшеклассник.

И именно эти слова заставили Андзу наконец-то оторвать взгляд от книги и посмотреть мне в глаза.

— Это совсем не так. Ты не скучный или обычный, Тоно-кун. Как по мне, ты настолько ненормальный, насколько это возможно.

— ...Я должен считать это комплиментом?

— Конечно.

— Ну, как скажешь, наверное, — сказал я, пожав плечами, а затем вновь облокотился на подоконник. Вскоре водитель автобуса объявил по громкоговорителю, что мы подъезжаем к остановке, которая находится рядом с домом Кохару, поэтому я нажал на кнопку, чтобы он остановился на ней.

Когда автобус подъехал к остановке, я передал водителю триста йен, а затем вышел из автобуса на тротуар. Сразу же мне в нос ударил сильный запах сырой земли. Я взглянул на небо и увидел огромное белое грозное облако, медленно надвигающееся на нас с запада.

— Похоже, мы попадем под дождь.

— Думаешь? — сказала Андзу. — Но сейчас такая хорошая погода.

— Не, я почти уверен. Ладно, давай поторопимся и покончим с этим.

Мы быстро направились в сторону дома Кохару. Пройдя немного по дороге, мы пришли к небольшому квартирному дому, на первом этаже которого располагается магазин с окономияки*. Семья Кохару живет на верхнем этаже этого здания. Мы поднялись по лестнице и, пройдя по открытому проходу, вскоре оказались у двери с табличкой, на которой написано «КАВАСАКИ». Когда я позвонил в звонок, из-за двери послышался громкий «динь-дон», эхом пронесшийся по квартире, а за ним последовали звуки поспешных шагов, топающих по деревянному полу.

[П/П: Окономияки — жареная лепешка из смеси разнообразных ингредиентов, смазанная специальным соусом и посыпанная очень тонко нарезанным сушеным тунцом.]

— Кто та-а-ам? — спросил жилец, открывая входную дверь.

Это была Кохару. Она явно была в режиме домоседа, судя по ее футболке и мешковатым тренировочным штанам, а также по очкам с толстой оправой, сидящим на носу. Я знал ее со средней школы, но впервые вижу ее в очках. Я быстро понял, что в школе она, скорее всего, носит линзы. Она выглядела довольно разочарованной, увидев нас, и вскоре вернула свой обычный негодующий взгляд.

— ...А вам что еще надо? — спросила Кохару требовательным тоном.

— Хамамото-сенсей было нужно, чтобы кто-то отнес тебе домашнее задание на лето.

— И вы выступили добровольцами?

— Не совсем. Но теперь-то мы тут.

— ...Отлично.

В глазах Кохару читалась грусть. Может быть, она догадалась, что это означало, что ее свита не захотела выполнять это поручение, и теперь была сильно удручена тем, что ее так называемые друзья бросили ее. А может, я просто додумываю.

Вернемся к делу. Я протянул листовки, и она взяла их, не сказав ни слова. Однако, только я собирался попрощаться и положить конец этому затянувшемуся разговору, я услышал странный звук, надвигающийся на нас сзади, похожий на звук статики телевизора. Я развернулся, и, конечно же, на улице уже шел дождь.

Отлично.

Это был такой сильный внезапный ливень, какого я никогда прежде не видел. И, пока я стоял и гадал, что же нам, черт подери, теперь делать, из квартиры послышался женский голос.

— Кохару, на улице льет как из ведра! Почему бы тебе не пригласить своих друзей внутрь?

— Что?! Ни за что! — крикнула Кохару в ответ, мигом развернувшись на месте. — Они мне не друзья, мам!

Послышался громкий топот, и ко входной двери прибежала женщина. На ней был простой фартук, а длинные волосы были завязаны в хвост. Как я понял, это мать Кохару.

— Кохару! Как ты можешь быть с ними такой грубой, после того как они проделали весь путь сюда?! Не помню, чтобы я учила тебя такому!

— Но мам!

— Простите, вы двое, — улыбнулась мать Кохару, отталкивая ее в сторону. — Временами она такая ворчунья. Не принимайте это близко к сердцу. Проходите, не стесняйтесь!

Мы с Андзу взглянули друг на друга, пожали плечами, а затем вошли внутрь, как нам и предложили. Кохару, несмотря на то что она была, очевидно, сильно раздражена этим поворотом событий, провела нас до своей комнаты, больше не возражая. Когда мы вошли, она подбородком указала нам присесть, так что мы оба подчинились и уселись на ковер.

Кроме спальни моей младшей сестры, я никогда прежде не был в спальне девочки. В воздухе витал сладковатый аромат, который я никогда не замечал в комнатах своих друзей. Однако сама комната была куда более строгая, чем я ожидал от такой дикой девчонки, как Кохару: простой письменный стол, комод кремового цвета и шкаф. Не будь тут книжного шкафа, забитого журналами о моде, то вполне бы можно было забыть или даже не догадаться, что эта комната принадлежит девочке-подростку.

— Эй. Хватит тут все разглядывать, — не выдержала Кохару.

— П-прости, — сказал я, сразу же опустив взгляд в пол.

— Как только дождь закончится, вы сваливаете отсюда. Понятно?

Я кивнул, и разговор сразу же закончился. Андзу просто сидела, не двигаясь, словно фарфоровая статуэтка, а Кохару нервно копалась в телефоне, сидя в кресле. Единственным нарушающим тишину звуком был звон капель дождя, бьющихся об окно. Эта тревожная атмосфера была удушающей. В конце концов я больше не мог этого выносить, и поэтому попытался снова завязать разговор с Кохару.

— Так дома ты носишь очки, да?

— Да, и? Хочешь сказать, что я глупо выгляжу?

— Вовсе нет.

— Отлично. А теперь заткнись.

— Хорошо.

Моя попытка взаимодействия провалилась. И вновь я начал проклинать отсутствие у меня навыков общения. Кажется, у меня нет выбора, кроме как молча сидеть и ждать, когда стихнет дождь, так что я свесил голову, сдавшись, но затем Кохару сама нарушила тишину, впервые обратившись к Андзу.

— А ты-то какого черта здесь вообще забыла? Типа, я могу понять, почему здесь Тоно, но ты?

— Я здесь лишь потому, что он здесь, — ответила Андзу, словно это что-то совершенно очевидное.

— Что, прости? Вы что ли парень и девушка?

— Не смей меня. Мы с Тоно-куном родственные души. Не пытайся сравнивать наши отношения с чем-то настолько незначительным и поверхностным, как у тебя.

— Эм, это мерзко? Я буквально понятия не имею, что это значит, и я не уверена, что хочу знать... погоди. Что ты имеешь в виду под «как у меня»?

— Разве ты не встречаешься с тем юным хулиганом, которого ты пыталась на меня натравить?

Услышав эти слова, Кохару замолчала.

— ...Мы не встречаемся, — ответила она тихим голосом.

— погоди, вы не встречаетесь? — присоединился я к разговору, искренне удивленный ее словами. Конечно, Шохей упоминал ранее, что те слухи были необоснованными, но они все равно казались мне более правдоподобными, чем его предположения.

— Он сам решил вести себя так, будто мы встречаемся. А затем какой-то гений, наверное, решил, что это было взаимно, хотя он мне, очевидно, совершенно не нравился.

— Хм. Ну и ну... погоди, тогда почему ты ничего не отрицала, когда слухи начали расходиться по школе?

— Типа... а смысл? Люди все равно будут думать, что им хочется, — сказала Кохару, ерзая на месте. Я знал, что она уклонялась от вопроса, но именно Андзу поймала ее за хвост.

— О, я поняла. Он тебе не нравился, но ты также не хотела полностью отрицать возможность того, что вы встречаетесь. Другими словами, ты хотела пользоваться его репутацией для устрашения, так ведь? Словно дочка лидера банды, которая пользуется именем своего папочки, чтобы отпугивать мелких хулиганов, пытающихся что-то с ней сделать.

Ух. Типа, наверное, это подходящее сравнение, но разве обязательно было заходить так далеко?

— Что... Нет, все совсем не так! — рявкнула Кохару в ответ с покрасневшим лицом.

Андзу же просто продолжила.

— Разве? Если бы ты не пыталась пользоваться его репутацией себе во благо, ты бы не угрожала рассказать своим «друзьям» о том, как сильно я действую тебе на нервы, и что они напрыгнут на меня по пути домой. Конечно, возможно, тогда ты говорила не конкретно о нем, но это все еще попытка устрашения, чтобы избежать пачканья собственных рук, так что я бы сказала, что моя догадка верна.

Кохару прикусила губу и задрожала.

О боже. Она сейчас расплачется.

Затем Андзу нанесла завершающий удар:

— Типа, серьезно. Насколько у тебя хрупкое эго? Ты так стараешься сохранить свою маску крутой девчонки, но ты же просто пытаешься скрыть тот факт, что у тебя нет настоящих друзей, так ведь?

И этого оказалось достаточно. Дамбу прорвало, и большие слезы потекли по щекам Кохару.

— Т-тебе не нужно быть настолько злой... — захныкала она, всхлипнув несколько раз, а после этого и вовсе зарыдав.

Хоть я и был растерян, я знал, что мне нужно что-то сделать.

— Ну же, Ханаширо! Это уже слишком. Тебе нужно извиниться.

— Ла-а-адно...

— Нет, не надо мне тут. Извинись перед ней должным образом.

Андзу закатила глаза и все-таки повернулась лицом к Кохару.

— Прости. Я не хотела заставлять тебя плакать... даже если я и сказала это, зная, что ударю тебя в больное место.

— Извинись искренне... — потребовал я.

Однако Андзу не проявила никакого сожаления, а слезы Кохару так и не собирались останавливаться. И, пока я сидел между ними, не зная, что делать, дверь шкафа внезапно распахнулась и из него выскочили два мальчика, которые явно все еще ходили в начальную школу. Полагаю, это младшие братья Кохару.

— Эй! Хватит ее обижать! — крикнул один из них, после чего они оба подбежали к Андзу и начали колотить ее. В редком для нее замешательстве Андзу закрыла лицо в отчаянной попытке защититься от их ударов, при этом умоляя их прекратить. Кохару тем временем все еще была занята тем, что рыдала. Это был полный бардак, и я понятия не имел, что мне делать.

Как вдруг дверь в комнату распахнулась, и сюда зашла мать Кохару, держа в руках поднос с чаем со льдом.

— Ага! Вот вы где, маленькие негодники! — сказала она, оттянув мальчишек от Андзу и шлепнув их по головам. Теперь громко плакали все два брата и сестра семьи Кавасаки, я же был полностью готов пойти домой.

— Простите за это, — сказала мать Кохару после того, как позвала нас с Андзу в коридор для небольшого разговора. Она неловко смеялась, уперев руки в бока. — В любом случае что-то подсказывает мне, что моя дочь начала это, но я буду очень признательна, если вы постараетесь не усугублять ситуацию. Знаете, в глубине души она очень хорошая девочка.

Я мог лишь кивнуть, чувствуя стыд. Даже Андзу, несмотря на отсутствие у нее какого-либо сожаления, смиренно склонила голову, словно питомец, которого решили отругать.

— Вы не поверите, как быстро она выбежала из своей комнаты, когда услышала дверной звонок. Я не знаю, что произошло с ее школьными друзьями, но, кажется, ей сейчас, должно быть, очень одиноко. Конечно, я не могу заставить вас быть с ней друзьями, но, по крайней мере, попытайтесь с ней поладить, хорошо?

— Ладно, — ответил я, а затем взглянул на Андзу, которая просто кивнула.

— Отлично. Что ж, на улице все еще идет довольно сильный дождь, так что не стесняйтесь остаться здесь еще ненадолго, если хотите, — сказала мать Кохару, после чего ушла в другую комнату.

«Если хотим», говорите...

После всего, что только что произошло, было бы стыдно просто откланяться и пойти домой. Так что мы вновь открыли дверь в комнату Кохару, где братья и сестра играли в какую-то карточную игру на ее кровати. Но, как только Кохару заметила нас, она собрала карты и отдала своим младшим братьям.

— Ладно, возвращайтесь к себе, — сказала она, и они покорно встали.

— Если они будут снова обижать тебя, сестра, просто дай нам знать! — сказал один из них.

— Да! В следующий раз они поплатятся! — сказал другой.

Оба мальчика показали нам языки, когда вышли из комнаты. Теперь, когда мы вновь оказались наедине с Кохару, какое-то время мы просто стояли, не зная, что делать, пока она не предложила нам присесть, на что мы согласились.

— Так что мамо... Что моя мама сказала вам?

— Ниче особенного, — сказал я, отмечая у себя в голове забавный факт того, что она, оказывается, обычно зовет свою мать мамочкой. — Просто сказала нам не заикливаться на этом.

— Она попросила вас быть моими друзьями, так ведь?

В ответ я мог лишь неловко улыбнуться, на что Кохару схватила лежавшую рядом с ней подушку и сразу же зарылась в нее лицом.

— Ха-а, она так смущает меня... Какой отстой... Просто убейте меня.

Конечно, я знал, что она не хочет умереть буквально, но все равно было ужасно слышать ее такой подавленной. Однако у меня недостаточно опыта с женщинами, чтобы знать, как вести себя в подобной ситуации.

— У тебя слишком слабый характер, — безжалостно заявила Андзу.

Ай.

Не то чтобы у меня была идея получше, но я был чертовски уверен, что это не сделает ситуацию лучше. Я вновь попытался сыграть роль примирителя.

— Ну же, Ханаширо. Это же ты зашла слишком далеко... Хотя бы притворись, что хочешь помириться с ней.

— А в чем смысл притворства? Я не собираюсь брать свои слова назад.

— Я знаю, но все же...

— Ты слишком мягок, Тоно-кун.

— Нет, это ты неоправданно резкая.

И, пока мы продолжали спорить между собой, Кохару внезапно убрала лицо от подушки.

— Эй... Как тебе вообще удастся постоянно вести себя так, будто ты неуязвима? — спросила она Андзу робким голосом, словно ученик, ищущий совета у своего наставника. И, если подумать, именно это сейчас и происходит. Я повернулся к Андзу и бросил на нее самый строгий взгляд, какой мог сделать, требуя, чтобы она добросовестно ответила на этот вопрос, а не то...

Кажется, Андзу поняла, что я имел в виду, так как ее плечи слегка поникли и она начала неохотно отвечать на вопрос.

— Ну, не то чтобы есть какой-то секретный метод. Однако...

— Однако?

— Вкратце, я бы сказала, что суть заключается в том, чтобы не бояться вмазать людям со всей силы.

М-да.

Это точно не то, что можно ожидать услышать от девочки-подростка.

— Ты должна поставить для себя четкие границы, с чем ты готова мириться. Типа, если кто-то сделает со мной одно, второе или третье, то я ударю его в лицо. Как только ты это сделаешь, становится гораздо проще анализировать ситуацию свысока. Помогает держать голову холодной и не поддаваться эмоциям.

— Что ты имеешь в виду под «свысока»?.. — спросила Кохару, наклонив голову набок.

— А, прости. Не лучшая метафора. Знаешь старые видеоигры, где ты смотришь на своего персонажа сверху вниз и видишь их здоровье, ману и прочую фигню? Вот что-то наподобие этого. Ты пытаешься увидеть свои эмоции в численных значениях и основываешь свое поведение на общей серьезности ситуации, нежели делаешь необдуманные решения. Прямо как то, что ты предпочтешь выпить зелье здоровья, только если твое здоровье опустилось ниже половины, ты должна бить кого-то только тогда, когда он пересечет определенную черту. Также предпочтительно, чтобы ты всегда наносила удар первой, если есть такая возможность. Потому что в большинстве случаев достаточно одного хорошего, тяжелого удара, чтобы ошеломить противника до такой степени, что он не сможет тебе ответить. И еще, если ты знаешь, что твой противник гораздо сильнее тебя, то не бойся вооружиться или прибегнуть к хитростям. В общем, делай все возможное.

Это было на удивление детальное объяснение, хотя и весьма тревожное. В скольких же драках побывала Андзу за свою жизнь?

— ...Это сумасшествие. Я никогда так не смогу, — сказала Кохару, дуясь. Честно говоря, я бы тоже так не смог.

— Ну, я не говорю, что ты должна ходить и нарываться на драки, просто чтобы набраться уверенности. Но ты должна научиться сама решать свои проблемы, или всю жизнь будешь лишь блефовать. Ничто не изменится, пока ты сама не изменишься.

Кохару заметно вздрогнула. Ее лицо начало бледнеть.

— И с чего же мне вообще начать?

— Не спрашивай меня. Это твоя проблема.

Казалось, Кохару снова вот-вот расплачется, так что я ткнул Андзу локтем. Она почесала голову, словно ей до смерти надоело играть в психолога, но все же продолжила свое небольшое напутствие.

— В общем, если что, я не пытаюсь сказать, что все проблемы можно решить насильем. Опять-таки, суть в том, чтобы обозначить для себя границы и придерживаться их. Оставайся верной своим убеждениям и не позволяй никому заставлять тебя делать что-либо, что будет перечить этим убеждениям. Делай так достаточно долго, и у тебя не только вырастет самооценка, но и ты сама станешь гораздо более крутым человеком. Нет ничего хуже неуверенности в себе. Ведь именно эта неуверенность и привела тебя к тому, что ты пряталась за репутацией того темпераментного задиры и что все в школе думали, будто вы встречаетесь. Разве не так?

— Ну... да...

— Ну и вот. Мой тебе совет: начни уже наконец жить на своих условиях. Мне все равно, что это за условия. Просто установи для себя ожидания и следуй им. Возможно, поначалу у тебя мало что получится, но это поможет тебе приблизиться к образу человека, которым ты хочешь быть на самом деле, поэтому я вполне уверена, что в итоге ты будешь куда счастливее.

— Человеком... которым я хочу быть?..

— Верно. Потому что не существует правильного способа жить наши жизни. Все, что мы можем сделать, это выбрать путь, который подходит нам больше всего, а затем бежать по нему так быстро, как только можем, чтобы узнать, как далеко мы сможем добраться за то небольшое время, что нам отведено, — сказала Андзу, а затем, выпустив судорожный вздох, повернулась к окну. — О, вы только посмотрите. Дождь наконец-то закончился.

Так как было решено, что мы останемся здесь, пока погода не прояснится, мы с Андзу подумали, что нам пора уходить. Мы попрощались, вышли из квартиры, и нам сразу же пришлось сощурить глаза при виде яркого заходящего солнца. Однако, как только мы спустились по лестнице, находящейся в конце прохода, кто-то позвал нас из-за спины. Развернувшись, я увидел, как Кохару бежала за нами в тапочках. Она сбежала вниз по лестнице и остановилась прямо перед Андзу, а затем начала беспокойно крутить большими пальцами на уровне живота.

— ...Что еще? — спросила Андзу с сомнением в голосе.

— А, ну, эм... Вот, типа, все, что ты сейчас сказала, да? Буду честна: ты попала прямо в яблочко. Типа, это было настолько ужасающе в точку, что ты либо экстрасенс, либо меня гораздо проще читать, чем я думала... В общем, э... Я хотела извиниться. За то, что вела себя так ужасно по отношению к тебе. Прости.

Кохару низко склонила голову, отчего моя челюсть отвисла. Я никогда не видел, чтоб эта девчонка извинялась перед учителем, когда попадала в неприятности, так что видеть, как скромно она сейчас себя ведет, было слишком сюрреалистично, чтобы в это можно было поверить. Сказанные Андзу вещи, должны быть, и правда заставили Кохару измениться.

Андзу также казалась весьма ошарашенной. Произошла долгая пауза, прежде чем она все-таки смогла сказать что-то в ответ на извинения.

— ...Все в порядке. Я не беспокоюсь об этом.

— Ну, как скажешь... А, и еще кое-что. Тоно?

— Да? — ответил я.

— Я должна тебе это, — Кохару потянулась в карман и достала оттуда три тысячейеновые купюры, а затем практически всунула их мне в руку.

— Погоди, а это за что? Я не одалживал тебе столько денег...

— Это плата за все то, что я у тебя отжала. Я не помню точную сумму, так что прости, если этого недостаточно.

— Не, все в порядке. Не беспокойся об этом.

— Нет, не в порядке. Я вообще-то пытаюсь начать с чистого листа, так что просто возьми их, ладно?

«С чистого листа, да? В таком случае я, наверное, и правда не могу отказать», — подумал я.

— Ладно, если ты настаиваешь.

Я положил купюры в карман, после чего мы вновь попрощались с Кохару, а затем вышли из здания. Мы молча шли по промокшему от дождя тротуару, вдыхая запах свежих осадков, исходящий от асфальта. Бессчетное количество лужиц шло вдоль всей дороги, самая большая и прозрачная из которых отражала ослепляющий свет закатного солнца. Вскоре мы добрались до автобусной остановки. Я проверил расписание и увидел, что следующий автобус прибудет лишь через двадцать минут. К сожалению для нас, рядом стоящая лавочка была полностью промокшей от дождя, так что у нас не осталось выбора, кроме как ждать, стоя бок о бок на обочине.

Вокруг было совершенно тихо. Лишь одинокая вечерняя цикада напевала вдали свою песню.

— Ну, я рад, что мы смогли поставить ее на ноги, — сказал я для того, чтобы заполнить тишину. Я ожидал услышать от Андзу хотя бы «угу», но ответа так и не последовало. Я взглянул на нее из любопытства. Она же просто смотрела вперед, а ее профиль чуть ли не сиял в лучах уходящего солнца. Затем я заметил, как ее поджатые губы медленно открылись, чтобы сказать несколько резких слов:

— Ты влюблен в Кавасаки?

Я был настолько ошеломлен этим вопросом, что не смог ответить на него сразу.

— Кто, я? Да быть того не может. Ты шутишь? Она же словно хищник с вершины пищевой цепочки. Мы даже рядом не стояли. Если она косатка*, то я маленькая медузка.

[П/П: Косатка — вид крупных дельфинов с черно-белым окрасом, обитающих по всему

мировому океану. Известны достаточно высоким уровнем интеллекта.]

— Хм, — проворчала она с сомнением.

— С чего ты это взяла?

— Ну, мне просто показалось, что ты сильно о ней беспокоишься.

— Разве?

Я собирался сказать, что это не так, но слова застряли у меня в глотке, когда я вспомнил, как Шохей сказал почти то же самое во время разговора про стокгольмский синдром. Возможно, со стороны это и правда выглядит так, будто у меня есть чувства к Кохару. Но для ясности скажу, что это совершенно не так. Конечно, у нее милое личико, но у нее отстойный характер. Она обожает командовать и угрожать, не говоря уже о том, насколько она упрямая и эгоистичная, и при этом глубоко внутри она плакса...

Погодите-ка. А ну минуточку.

— Оу. Ну, да, э... Кажется, я знаю, в чем может быть причина.

— Рассказывай.

— Потому что она в каком-то смысле немного напоминает мне мою младшую сестру.

— Ты имеешь в виду лицом?

— Не, характером. Карен временами тоже была достаточно упрямой. Но не из-за того, что была эгоисткой. Она закатывала фальшивые истерики, начинала плакать и много что еще, но это была просто маска, которой она пользовалась, чтобы прекращать драки между нашими родителями. Она была достаточно расчетливой.

Карен была очень сообразительным ребенком. Она достаточно рано осознала, что именно дети не позволяют большинству браков распасться. Каждый раз, когда наши мама и папа начинали даже малейший спор, она сразу замечала это и начинала упрашивать их сводить нас в парк развлечений, океанариум или еще куда, пытаясь разрядить ситуацию и заставить их помириться. Я знал, что это мне не просто казалось. Она специально вела себя упрямо, и это я могу сказать наверняка.

— ...Не уверена, что понимаю тебя, — сказала Андзу.

— Да, прости. Я плохо объясняю подобные вещи. Но поверь мне, у меня точно нет каких-то скрытых чувств к Кавасаки, — сказал я в заключение, завершая этот разговор до того, как он зайдет еще дальше. Затем я сам задал ей вопрос. — И вообще, знаешь, ты и сама выглядишь весьма обеспокоенной ею. Учитывая тот искренний жизненный совет, что ты ей дала.

— Это просто потому, что... ее мама попросила нас поладить с ней.

— Уверен, что она имела в виду «а теперь, детишки, ведите себя хорошо», а не «буквально заставьте мою дочь осознать свои ошибки и начать все с чистого листа»...

— Ну, да. Просто некоторые люди не останавливаются на достигнутом, Тоно-кун.

Я не мог сказать ничего в ответ на это, особенно если учесть, что результат был на лицо. Казалось, Андзу и правда оказала на Кохару положительное влияние... По крайней мере, пока что.

На этой ноте разговор завершился, после чего мы просто стояли в тишине, пока автобус наконец-то не прибыл. Но это вовсе не было неприятной тишиной. Иногда приятно просто побыть с кем-то наедине, даже если вам нечего сказать друг другу.

Вдруг я оказался в океанариуме, окруженный миром эфирной синевы. Круглые напольные лампочки подводного туннеля тускло светили, а вокруг меня было лишь несколько человек. За толстым стеклянным потолком я увидел, как над моей головой неторопливо проплыла огромная китовая акула*. Сбоку от меня пронесся косяк сардин, плывших так плотно друг к другу, что они почти что казались одной рыбой, которая была даже большего размера, чем акула.

[П/П: Китовая акула — вид крупных акул, питающихся планктоном.]

Я знал, что не должен быть здесь, и то лишь потому, что моя умершая сестра сидела рядом со мной на корточках, наблюдая за рыбами. Затем шестеренки в моей голове закрутились, и я понял, что этому странному явлению есть лишь одно логичное объяснение. Мне снился сон. Сон о том дне, когда мы отправились в океанариум всей семьей. Это произошло за две недели до того, как Карен скончалась.

— Как красиво, — прошептала Карен, опираясь обеими руками о стекло. Однако ее лицо говорило иное: она выглядела немного вялой. Я предположил, что у нее устали ноги, судя по тому, как она переминалась с ноги на ногу. Желая побыть с ней в этом осознанном сне как можно дольше, я попытался вспомнить прошлое и ответить теми же самыми словами, что и тогда.

— Хочешь скорее пойти домой?

— М-м-м, не, — сказала Карен, замотав головой, отчего завязанные в хвостик волосы закачались из стороны в сторону. — Маме с папой все еще нужно немного времени, чтобы помириться. Давай останемся здесь еще ненадолго.

Мать и отец стояли на небольшом расстоянии от нас, присматривая за нами и разговаривая бог знает о чем. Я слышал, как они смеялись время от времени, наводя меня на мысль, что все налаживается.

— Ну, если у тебя болят ноги, я могу прокатить тебя на спине, — предложил я.

— У меня идея получше! Дай прокатиться у тебя на плечах! — сказала Карен, повышая ставки.

— Что? Здесь?

— Ну давай, пожа-а-алуйста?!

Карен схватила меня за край футболки, растягивая ткань и дергая из стороны в сторону. Неохотно я все же встал на колено и дал ей забраться на мои плечи, затем крепко схватил ее за лодыжки и встал, после чего она начала радостно хихикать. Она положила руки мне на голову, а затем взяла большую копну моих волос, завязав их в небольшой хвостик на макушке с помощью резинки для волос. Это был мой «контроллер», который Карен тянула в ту сторону, куда она хотела, чтобы я пошел. По сути это был просто более продвинутый способ играть в лошадку, но нам было весело.

— Вперед, Бробот! — говорила она, после чего я начинал двигаться вперед, каждый шаг издавая ртом звуки гидравлики, что ей очень нравилось. Затем, когда я неизбежно уставал, я говорил: «Тре-буется за-правка», после чего она спрыгивала на землю, чтобы дать мне отдохнуть. Когда она говорила мне выстрелить лазером, я пинал что-то маленькое, лежавшее на нашем пути. Не самый правдоподобный лазерный луч, но нам хватало.

— Тебе весело, Каору?

— Конечно, — ответил я. Если Карен хотела, чтобы я отвел ее куда-нибудь, то мне тоже хотелось пойти туда. Ее улыбка сама по себе была для меня наградой.

— Да? Отлично, — Карен убрала руки от контроллера и нежно прочесала пальцами мои волосы. — Тогда я рада, что мы пришли сюда.

Меня разбудил звон будильника, и, открыв глаза, я увидел знакомый мне вид потолка моей комнаты. Частички пыли танцевали в лучах утреннего солнца, проникающих в комнату через занавески. Я сел и выключил будильник, все еще не оправившись от того реалистичного сна.

Если я правильно помню, после этого мы сразу же пошли смотреть шоу с дельфинами. Мы с Карен сидели в первом ряду, куда летит больше всего брызг, и поэтому к концу шоу мы были промокшими до нитки, но все еще умирающими со смеху. Просто дельфины являются настолько веселыми и игривыми существами, что мы попросту не могли сдержаться. Это было далеко не единственное приятное воспоминание с тех времен. Пока Карен была с нами, практически каждый день был полон чудес. Будь она все еще жива, то, возможно, так было бы и по сей день.

Я вылез из кровати и направился в коридор. Убедившись, что отца нет на кухне, я вышел через заднюю дверь во двор, который находится в совершенно неухоженном состоянии с тех пор, как мать покинула нас. Я сел на корточки под окном в ванную и протянул руку в подполье, где быстро нашел то, что искал, и сразу же достал.

Это была большая прямоугольная металлическая коробочка, в которой изначально хранились рисовые крекеры или что-то подобное, но мы с Карен нашли ей другое применение в качестве специального места, куда мы прятали наши величайшие сокровища: четырехлистный клевер, несколько стеклянных шариков из-под бутылок с рамунэ* и тому подобное. Теперь в ней также хранились вещи, которыми Карен дорожила больше всего, как, например, ее любимые гребень для волос и плюшевая игрушка, а также несколько ее фотографий, которые мне очень нравились. Это было что-то вроде капсулы времени или коробки с ее памятными вещами.

[П/П: Рамунэ — газированный напиток в бутылках с узкой горловиной, внутри которой находится стеклянный шарик.]

Однако открыв крышку, первое, что я там увидел, было парой старых красных сандаликов. Недавно найдя один из них в Туннеле Урашимы, они вновь стали полноценной парой. Простого взгляда на них было достаточно, чтобы успокоить мое сердце. Это давало мне надежду, что у меня и правда есть шанс найти Карен.

Не волнуйся, Карен. Я найду тебя. Просто подожди меня еще немного.

И на этом безмолвном, похожем на молитву обещании я закрыл крышку и положил коробку с сокровищами обратно под дом, где она всегда и находилась еще с тех пор, как мы были детьми. Тайное место, которое мы с Карен нашли вместе. Я бы с радостью забрал коробку с улицы к себе в комнату, но я знал, что отец, скорее всего, выкинет ее, если когда-либо на нее наткнется, так что я оставил ее здесь, чтобы с ней ничего не случилось. Воспоминание о том, как он сошел с ума и выбросил каждую вещь из комнаты Карен, после того как мать покинула нас, все еще было свежо в моей памяти. Это главная причина, почему у меня осталось так мало вещей, напоминающих о ней. Конечно, я был обижен на отца за то, что он сделал, но я знал, что если выплесну на него эту злость, то это не приведет ни к чему хорошему. Это лишь еще больше разрознит нас.

Я вскочил на ноги и проверил время на телефоне. Сейчас только что наступило семь утра. Я направился обратно в свою комнату, чтобы подготовиться к школе.

Подступала середина июля, и летняя жара становилась лишь хуже. Когда я зашел на территорию школы через главные ворота, несколько девчонок пробежало мимо меня, используя свои портфели как зонтики, чтобы спрятаться от солнца. Я надел сменку, а затем направился по коридору в класс 2-А. До того, как я успел добраться до своего места, я заметил, что в классе появилась еще одна новенькая. У нее были черные волосы до плеч и очки с толстой оправой, так что она ничем не выделялась среди остальных девчонок, однако по какой-то причине я не мог отделаться от чувства, будто я ее уже где-то видел.

И тут меня осенило: это Кохару. Она вернула волосам натуральный цвет, а ее юбка теперь до самых колен. Сейчас она полная противоположность своего прошлого образа оторвы.

— Э, Кохару? Что с тобой случилось? Пожалуйста, скажи мне, что это не твой новый образ, — насмешливо сказала одна из девчонок из ее старой свиты, не теряя времени поглумиться над ней. Кохару дала простой уклончивый ответ, не подтверждая и не отрицая, и попыталась опустить эту тему. То, как она застенчиво улыбается и запинается, настолько серьезно отличается от ее обычного надменного поведения, что я ни за что бы в это не поверил, если бы не знал, что произошло днем ранее.

— Чувак, думаешь, она проиграла спор? — шепнул Шохей мне на ухо. Я даже не заметил, как он подошел к моей парте.

— Мне кажется, что она, скорее, решила начать все с чистого листа.

— Такая самовлюбленная девчонка, как она, решила начать все с чистого листа? Никогда бы не подумал, что доживу до этого дня.

— Ну, да. Она прошла через многое в последние дни.

— Особенно после того, как ее унизила новенькая. Кстати говоря, а куда это ты с ней убежал вчера после школы?

— О-откуда ты знаешь об этом? — выпалил я, застигнутый врасплох.

— Надо же, так вы и правда были вместе, а? Один парень из клуба каллиграфии упомянул, что видел вчера, как она сидела рядом с каким-то парнем в автобусе. Видишь ли, о ней сейчас вся школа говорит. Ну да ладно. В общем, я попросил его описать того парня, с которым она была, и его описание очень сильно напоминало тебя, так что я решил начать с наводящего вопроса, чтобы проверить, попадешься ли ты на крючок.

А. М-да.

Кажется, я угодил прямиком в его ловушку.

— Ну так что? Что между вами происходит? — спросил Шохей заинтересованным голосом.

— Ничего настолько интересного, как ты надеялся, — сказал я, закатив глаза. — Мы не встречаемся или что-то такое. Да че уж там, технически мы еще даже не друзья.

— Тогда куда это ты намылился с ней на автобусе, а? Насколько я знаю, ты добираешься до дома на поезде, приятель.

— Нам просто нужно было сходить к Кавасаки, чтобы отдать ей ее домашнее задание на лето.

— Вам обоим надо было сходить к ней? Это ж как так, черт возьми, получилось?

— Это длинная история. Мне понадобились бы годы, чтобы рассказать хотя бы вкратце. Так что из уважения и к твоему, и к моему времени давай не будем углубляться в это и просто скажем, что да, нам пришлось, ладно?..

— Вот только не надо вести себя как урод, чувак, — усмехнулся Шохей. Он явно понял, что мне просто лень объяснять. — Но слушай, не скажу, что я сильно удивлен. У вас все-таки много общего.

— Чего? Ага, щас. И что же у нас такого общего?

— Ну, для начала, ты в принципе никогда не открываешься людям. И насколько я могу судить, она такая же. Вы оба кажетесь мне на одной волне в плане желания как можно меньше контактировать с другими.

— ...Ты теперь мой психолог?

— Не, мне просто нравится наблюдать за людьми и пытаться анализировать психологию их поведения. Считаю это моим небольшим хобби.

— Впервые слышу об этом.

До того, как мы смогли закончить наш разговор, прозвенел звонок на первый урок, поэтому Шохей показал мне знак мира и направился к своему месту.

Вскоре наступил обед. Обычно Кохару ела бы в окружении своей свиты, однако сегодня она вскочила со своего места с бенто в руках в ту же секунду, как прозвенел звонок с урока. Я посмотрел на нее из любопытства, гадая, куда же она собралась. К моему удивлению, она подошла прямо к парте Андзу и кротко подняла бенто перед собой.

— ...Эй, эм. Ты не против, если я поем здесь?

По всему классу слышалось бормотание. Даже Андзу, которая все еще доставала свой бутерброд, казалась весьма сбитой с толку этим вопросом.

— Как хочешь, наверное, — сказала Андзу.

Получив разрешение, Кохару пошла обратно к своей парте и притащила оттуда стул, а затем, усевшись рядом с Андзу, открыла крышку бенто и положила его на парту. Это было очень странное зрелище: два бывших врага, которые еще несколько дней назад были готовы перегрызть друг другу глотки, теперь на равных разделяли трапезу. Однако тишина и спокойствие продлились недолго, так как девчонка по имени Ханеда, которая была верным членом свиты Кохару, вскоре подошла к ним с большой ухмылкой на лице.

— Эм, Кохару, дорогуша? Ты с чего это вообще обедаешь с ней?

Я мог понять по тону ее голоса, что она не была разочарована тем, что Кохару решила поесть с кем-то, кто не состоял в ее свите. Ханеда явно искала больше поводов для того, чтобы осмеять их опозоренную королеву. Кохару опустила взгляд, явно чувствуя себя неловко.

— Потому что... — начала она, бормоча слишком тихо, чтобы я смог разобрать остальное.

— Прости, что ты сказала? Ты не могла бы говорить погромче? — спросила девчонка.

— Потому что я хочу стать такой же, как она!

Весь класс погрузился в тишину. Вокруг было настолько тихо, что можно было бы услышать падение канцелярской кнопки. Ханеда стояла разинув рот, Андзу также выглядела абсолютно сбитой с толку. Да что уж там, даже я никогда бы не смог предсказать настолько серьезную перемену в ее характере. Я предполагал, что Кохару обедала с Андзу из-за того, что считала, что ей будет слишком сложно снова вписаться в свою старую группу друзей, отчего находилась в отчаянии. Хотя, возможно, это и было настоящей причиной, а Кохару достала свой ответ из ниоткуда просто потому, что не смогла придумать объяснение получше.

Однако, как только старая подруга Кохару поняла, что та не шутила, она взорвалась хохотом.

— Ха-ха-ха-ха! Что, прости?! Ты же не серьезно, правда?!

По всему классу слышались смешки, когда остальные одноклассники начали бормотать между собой.

— Хех. Похоже, кое-кто наконец-то осознал, что она не такая уж и крутая.

— Так значит, ее образ плохой девочки был просто показухой, да?

— Тот удар в нос ей совсем мозги выбил или что?

Это было словно публичное забрасывание камнями, но вместо камней использовались слова. Однако Кохару изо всех сил старалась выдержать это, хоть ее лицо и было ярко-красным, а тело дрожало.

— Какая умора, — продолжила Ханеда. — И как же ты собираешься это сделать? Будешь теперь жалкой, необщительной неудачницей?

— Не твое дело... Просто отстань от меня.

— О, да ладно тебе! Конечно же, это мое дело! Мы же друзья, разве нет? — сказала Ханеда, подстрекая Кохару, схватив ее за плечи и дергая взад-вперед.

Для так называемой «подруги» она была весьма жестокой. Кохару же не сопротивлялась, а просто сидела, отказываясь смотреть ей в глаза.

— Эй, ну же! Скажи уже что-нибудь! — настояла девчонка, в этот раз чуть ли не спихнув Кохару со стула. Пока Ханеда отводила руки назад, она зацепилась одной из рук за ткань, на которой стоял бенто Кохару, отчего тот резко слетел с парты. Еще до того, как Кохару успела среагировать, ее обед уже летел вниз. Даже задиравшая ее девчонка не собиралась заходить настолько далеко, если испуганному выражению лица Ханеды можно было верить. Однако вместо того, чтобы извиниться, Ханеда решила воспользоваться этим и просто вздернула носом.

— Я это не специально, если что. Это твоя вина, что ты не ответила на мой вопрос. Так ведь? — Ханеда повернулась, ища согласия остальных девчонок из бывшей свиты Кохару. Они все кивнули и сказали несколько слов поддержки. Ни одна из них не была на стороне Кохару.

Кохару открыла рот, чтобы что-то сказать, но не решилась и, наклонившись к полу, начала собирать свой обед с пола. Было искренне больно видеть ее сгорбившейся, униженной и со слезами на глазах, так что я быстро отодвинул свою еду в сторону, чтобы встать и предложить ей помощь. Однако перед тем, как я смог это сделать, прозвучал громкий скрип проехавшего по полу стула.

— Кавасаки.

Это была Андзу. Она поднялась со своего места, не показывая совершенно никаких эмоций, и, подойдя к Кохару, встала рядом с ней. Она была последним человеком, вмешательства которого я ожидал, но, как только она встала, Ханеда задрожала от страха.

— Ты же минуту назад сказала, что хочешь быть похожей на меня, разве нет? — спросила Андзу у Кохару, которая просто кивнула несколько раз в изумлении. — Тогда смотри и учись. Я покажу тебе, что конкретно нужно делать, когда кто-то переступает черту.

Андзу медленно повернулась лицом к обидчице Кохару, а затем сжала кулаки и подняла их на уровень глаз, словно боксер. Все в классе понимали, что она была более чем готова ударить эту девчонку, чье лицо сразу же стало мертвецки бледным.

— Эй, погоди минуту! Я не ищу драки с тобой! Не подходи ко мне, чокнутая! — Ханеда отчаянно замахала руками из стороны в сторону, чтобы показать, что ей не нужны никакие неприятности. Она развернулась на месте и поспешно отступила к своей парте.

— Хмф. Лает, да не кусает, — усмехнулась Андзу, а затем достала из кармана салфетку и начала молча помогать вытирать еду с пола.

Хоть Кохару и казалась совершенно сбитой с толку тем, что Андзу вдруг стала к ней такой доброй, по крайней мере, она не забыла выразить ей благодарность кротким «Спасибо...»

Я тяжело вздохнул. На секунду я не был уверен, что произойдет в итоге. Но я рад, что мы смогли избежать очередной драки. И все же я поверить не мог, насколько сильно Кохару выросла за ночь. Казалось, она и правда хотела когда-нибудь стать похожей на Андзу, что, наверное, и является причиной того, почему она так старалась сохранять спокойствие, как бы Ханеда не пыталась вывести ее на эмоции. Я могу только уважать ее решимость стать совершенно новым человеком.

С той обеденной суматохи прошло несколько часов, а сейчас я пробирался через густой подлесок по редко используемой ночной тропинке, освещая путь лишь карманным фонариком. Эти горные тропы оказались на удивление шумными по ночам, возможно, даже громче, чем послеобеденное стрекотание цикад. Множество различных насекомых соперничали друг с другом за право быть услышанными, а нескончаемое пение козодоев* звучало по всему лесу.

[П/П: Козодой — ночная птица, питающаяся насекомыми.]

— Ух, какой отстой...

Я специально опрыскал себя спреем от насекомых с головы до ног, перед тем как выйти из дома, но на мне уже появилось как минимум три комариных укуса. Моей главной ошибкой

было то, что я не надел ничего с длинными рукавами. Я бы с радостью вновь прошелся по железной дороге, где не нужно беспокоиться о неприятном подлеске, но, к сожалению, я не мог рисковать, после того как получил предупреждение от Хамамото-сенсей днем ранее. Так что придется мириться с нетоптанными тропинками и укусами насекомых.

В конце концов, после долгой и изнурительной битвы с матерью-природой, я наконец-то добрался до деревянной лестницы, ведущей к Туннелю Урашимы. Спускаясь, я заметил белый свет от фонарика, идущий прямо от входа в туннель. Предположив, что это, скорее всего, Андзу, я ускорил шаг и, конечно же, оказался прав. Она сидела на корточках, крепко держа фонарь обеими руками, освещая землю прямо перед собой. Кажется, она еще не заметила меня.

— Эй, кажись, в этот раз ты пришла раньше меня, — окликнул я ее, спустившись по лестнице. Она вскочила на ноги так быстро, словно увидела призрака, после чего посветила на меня фонариком. К счастью, я успел спрятать глаза до того, как меня ослепили.

— Ты опоздал! — крикнула она.

Я проверил телефон. Сейчас было восемь вечера.

— Но я ведь пришел вовремя, разве нет?

— А должен был прийти за пять минут! Об этом же знает каждый!

— Ага, точно. Сказала девчонка, которая в прошлый раз опоздала больше, чем на тридцать минут.

— Это даже близко не то же самое! То было днем! Ты не можешь оставить невинную девушку одну в таком месте посреди ночи! Что, если бы меня сожрало дикое животное, а мои кости нашли только утром полностью обглоданными и даже не смогли бы меня опознать?!

— Уверен, такого никогда не случится. Насколько мне известно, мы не в африканской саванне. Кроме того, если тебе так не хотелось идти сюда ночью, то почему мы просто не решили заняться этим завтра утром?

— Я же уже сказала тебе! Потому что я хочу посвятить исследованию туннеля как можно больше времени в эти выходные!

Точно.

Сегодня пятница, двенадцатое июля. В субботу у нас выходной, а в понедельник будет день основания школы, так что в тот день также будет выходной. Другими словами, у нас три выходных дня, что весьма ценно для нас, учитывая, что нашим самым большим препятствием

при углублении в Туннель Урашимы было именно время. Даже кратчайшее, самое поверхностное исследование дальней части туннеля будет стоить непомерного количества времени, так что иметь в запасе три выходных подряд будет редким и ценным шансом. Если мы начнем сегодня ночью, а не завтра утром, то у нас появятся дополнительные двенадцать часов, так что в словах Андзу определенно был смысл. Однако даже с этим дополнительным временем, мы сможем пробыть в туннеле аж целых две минуты. Я даже получил у отца разрешение переночевать на выходных у друга, и все ради каких-то жалких двух минут.

— Ладно, у нас нет времени просто стоять и болтать. Я так понимаю, ты все еще помнишь, что мы обсудили на подготовительной встрече, верно? Тогда пошли. — Андзу схватила меня за руку и потянула за собой, после чего мы ступили первые шаги в зияющую пасть Туннеля Урашимы.

Тепловатый ветерок внутри туннеля пощекотал мне затылок. Вы могли бы подумать, что так поздно ночью здесь будет прохладно, однако в этом темном, узком проходе было душно и влажно, отчего становилось сложно дышать. Я захотел покончить с этим как можно скорее, чтобы мы смогли вернуться на свежий воздух. Нашей главной целью на сегодня было попытаться выяснить, насколько далеко протянется Туннель Урашимы. План состоял в том, чтобы бежать как можно быстрее и дальше с того момента, как мы пересечем границу, а затем рвануть обратно.

— Так, в общем, — начала Андзу, — если мы можем провести в туннеле лишь две минуты, то это значит, что мы сможем пробежать где-то около трех сотен метров, если будем бежать на полной скорости. Учитывая нашу текущую высоту и длину окружности холма, через который туннель и проходит, он в принципе не должен достигать трехсот метров. Если все пойдет хорошо, мы должны успеть добраться до другого конца туннеля.

— О-о-о, хороший анализ. Я впечатлен!

— Чем?

— Не знаю. Просто ты звучишь так, будто знаешь, о чем говоришь.

— А, пф-ф-ф, — усмехнулась она. — Так тебе просто нравится мой голос. Понятно.

М-да... Она, наверное, думает, что я очень тупой, да?

— В любом случае, я недавно провела в библиотеке независимое исследование, — продолжила она. — Я попыталась найти возможные зацепки о Туннеле Урашимы, но так и не смогла найти ничего подходящего ни в интернете, ни в книгах про городские легенды. Так что все, что нам остается, это проводить расследование, основываясь лишь на нашем собственном опыте.

— Черт возьми, Ханаширо. Ты и правда приложила к этому много усилий... Э, но не могла бы ты уже отпустить мою руку? А то ты сжимаешь ее слишком крепко.

Андзу встала на месте и сразу же ослабила свою смертельную хватку, которую она сохраняла все то время, пока тянула меня за собой по туннелю. Если бы это было простое нежное держание за руки, то, возможно, я бы ничего и не сказал, хотя внутри я и так уже с ума схожу, однако она впиалась ногтями мне прямо в кожу, так что у меня не осталось выбора, кроме как указать на это.

— Т-точно, прости. Наверное, будет немного глупо все время держаться за руки.

— Ну, если ты хочешь держаться за руки, то я не против. Просто не вот так...

— Все нормально. Забудь. Ладно, пошли, — поторопила меня Андзу. Я вновь начал идти, но вскоре что-то дернуло меня назад. Андзу обеими руками держалась за мою футболку и стояла всего лишь в нескольких сантиметрах позади меня, из-за чего после каждого моего шага носки ее ботинок врезались мне в пятки. Это должно быть самый неэффективный способ ходьбы за всю историю человечества.

— Ханаширо, ты что ли темноты боишься? — спросил я, пока мы неуклюже брели вперед. Она ответила не сразу.

Похоже, я был прав.

У меня было подозрение, основанное на том, насколько до странного неуверенно она вела себя, когда мы встретились у входа.

— Да, и что? У тебя с этим проблемы? — призналась она наконец, хоть и с изрядной долей яда в голосе.

— Не-а, я не собираюсь осуждать тебя за это. Просто интересно, вот и все. Хотя ты выглядела в порядке раньше, когда мы приходили сюда, — упомянул я, вспоминая тот раз, когда она проследовала за мной до сюда, и все разы после этого. Я ни разу не замечал, чтобы она была напуганной.

— Ну, да. То было днем. На улице все еще было светло, так что здесь не было совсем уж ничего не видно. Это единственная причина, по которой я смогла держать себя в руках. Однако теперь, когда наступила ночь, все совершенно иначе. Темень что снаружи, что внутри. Типа, что, если оба наших фонарика разрядится? У меня, наверное, случится паническая атака.

— Ничего себе. Неужели тебе и правда настолько страшно?

— Да, дурак. И вообще, это ты здесь странный из-за своей невозмутимости. Как ты не задыхаешься, когда вокруг тебя сгущается тьма? Когда она поглощает все вокруг тебя, а давление медленно нарастает, с каждым шагом растворяя мир?..

Пока она бормотала в страхе, у меня внезапно возникло чувство, что я морально обязан что-нибудь сделать. В конце концов, это я тот подонок, который сказал ей отпустить мою руку, потому что мне было немного больно, в то время как она предстала перед своим самым большим страхом и просто пыталась ухватиться за что-то, чтобы чувствовать себя в большей безопасности. Как я не заметил этого раньше? Какое же я жалкое подобие мужчины, и уж тем более друга.

Я сделал глубокий, тихий вдох, а затем протянул руку назад и положил на руку Андзу, крепко взявшись за нее. Сначала ее рука была напряжена и дрожала от страха, но затем она быстро сжала мою в ответ. Все это произошло не более чем за три секунды, и никто из нас не проронил ни слова, однако невысказанные эмоции, которые передавались между нами в эту секунду, были куда глубже и интимнее, чем те, которыми мы когда-либо делились друг с другом. Однако прошло не так много времени до того, как я начал чувствовать себя крайне неловко и смущенно от того, что сделал. Я сделал отчаянную попытку продолжить наш разговор, чтобы мы смогли отвлечься от этого.

— Должен сказать, я немного удивлен. Если честно, я уже начинал думать, что ты в принципе ничего не боишься. У тебя какая-то травма, что ты боишься темноты, или что?

— Да. Когда я была в начальной школе, я подралась с одним из моих одноклассников, и они запихнули меня в шкафчик и заперли там. С тех пор я боюсь темных замкнутых пространств.

— О... оу. Вот как.

Каким-то образом я снова сделал атмосферу неловкой. Я даже не знаю, почему я в принципе подумал, что травмы из прошлого являются хорошей темой для легкой беседы, но это было куда тяжелее, чем я думал.

— Но меня не задирали, если что. Это просто редкий случай того, как я нарвалась на драку и проиграла, правда. В конце концов я поняла, как открыть шкафчик изнутри, а затем избива шваброй того парнишку, который запер меня внутри, так что в итоге я посмеялась последней.

— Ха-ха. Вот это уже Ханаширо, которую я знаю.

— А ты боишься чего-нибудь, Тоно-кун?

— Конечно. Я навряд ли смогу перечислить все по памяти, но есть множество вещей, которые пугают меня.

— Хорошо, тогда какой твой самый большой страх?

— Самый большой? Хм, дай-ка подумать...

Это сложный вопрос. Очевидно, я могу перечислить несколько различных вещей, которые пугают меня, но пытаться расставить их по порядку было весьма сложно. Быть съеденным акулой или растерзанным медведем, землетрясения, подхватить смертельную болезнь... Я боялся практически всего того же, чего боятся обычные люди. Наверное, все эти страхи объединяет то, что они связаны со страхом смерти или концептом смерти как таковым. Однако это также является первобытным, инстинктивным страхом, заложенным во все живое, так что он не казался мне чем-то уникальным для меня. Чего же я, Каору Тоно, боюсь больше всего? Чего-то, связанного со смертью?

Наверное, смерть любимого человека.

— Не, не знаю. Не могу вспомнить ничего конкретного. Прости.

— Правда? Хм.

Андзу звучала немного обиженно, услышав этот скучный ответ, но мне совсем не хотелось омрачать атмосферу, углубляясь в еще более тяжелую тему. И все же, я весьма уверен, что ответ, к которому я пришел, был верным, даже если я и не собирался озвучивать его.

— Эй, зацени-ка это, — указал я вперед, когда заметил проблеск света, идущего из глубин туннеля, который, предположительно, являлся светом от факелов. Мы с Андзу быстро достигли врат тории, пробежав остаток пути. Когда мы добрались до первых врат, я выключил свой фонарик и засунул его в карман, так как дальше он был нам не нужен. Теперь, когда у нас снова был надежный источник света, Андзу медленно отпустила мою футболку.

— Ладно, — сказал я, сглотнув полный рот слюны. — Теперь сложная часть.

У нас было всего две минуты. Как только мы зайдем за первые врата тории, мы пробежим так далеко, как только сможем за одну минуту, а оставшееся время потратим на путь назад. Я завел таймер на телефоне, чтобы убедиться, что мы не потеряем счет времени.

— Ладно, все готово. Скажешь, когда начинаем.

— Готова, когда ты готов, — сказала Андзу. У нее было серьезное выражение лица, но в голосе была слышна нерешительность. Однако она не казалась напуганной. Искра непокорности, которую я заметил в ее взгляде, когда она уставилась в глубины туннеля, была рождена из бесстрашия, любопытства и стремления. У меня явно не было нужды беспокоиться за нее.

— Супер. Тогда по моему сигналу, — объявил я, выставив одну ногу вперед, приготовившись бежать. Мои сжатые ладони были скользкими от пота. — На старт, внимание... Марш!

Я запустил таймер, и мы оба рванули вперед. Я бежал немного впереди. Врата тории проносились мимо меня одни за другими, пока я бежал по коридору на почти полной скорости.

Учитывая, что Андзу уделала каждую девчонку из клуба легкой атлетики, я был уверен, что у нее не будет проблем с тем, чтобы поспевать за мной, как бы быстро я ни бежал. Когда у меня участилось дыхание, я взглянул на телефон и увидел, что прошло всего лишь десять секунд, но впереди все еще не было видно выхода. Я быстро взглянул через плечо, чтобы узнать, как дела у Андзу. Она казалась в порядке, так что я немного ускорился.

Таймер достиг двадцати секунд, затем тридцати. Снаружи сейчас должна быть середина завтрашнего дня. Пока что в туннеле не было заметно никаких изменений: повсюду видны лишь факела да ворота тории.

Внезапно в моей голове возник знакомый вопрос. А что Андзу вообще хочет получить от Туннеля Урашимы? Последние несколько дней мы с ней говорили достаточно много, однако я до сих пор понятия не имею, какое желание она хочет загадать у туннеля. Не скажу, что этот вопрос меня прямо-таки терзает, и не думаю, что это как-то меня касается, но мне кажется, что было бы хорошо узнать у нее об этом, особенно, если ее желание может помешать продвижению расследования. Я решил спросить ее об этом, как только мы вернемся из туннеля.

Первая минута почти истекла, а мои ноги уже начали ныть. Однако, как только я взглянул вниз, чтобы проверить время, я услышал впереди громкий шорох. Подняв взгляд, я увидел десятки, а может даже сотни листов простой белой бумаги, падающих вниз, словно вихрь из огромного конфетти, появившийся абсолютно из ниоткуда.

— Ой!

Один из неисчислимых листов бумаги подлетел ко мне, словно объявление во время урагана, и врезался мне прямо в лоб, полностью закрыв мне глаза, из-за чего я перестал что-либо видеть. На секунду я запаниковал, а затем попытался оторвать лист бумаги от лица, но в процессе потерял равновесие и упал на землю.

— Ай! — крикнул я.

— Тоно-кун?! — вскрикнула Андзу.

Наконец лист бумаги соскользнул с моего лица, и я сразу же увидел, как мой телефон отскакивает от каменного пола туннеля. Удар о землю заставил меня ослабить хватку, из-за чего телефон выскочил у меня из руки и проехался по земле почти три метра, словно камень для керлинга.

Нет! Нам нужен этот таймер!

Я вскочил на четвереньки и подполз к телефону. К счастью, телефон оказался в целости и сохранности, за исключением небольшой трещины на экране.

Фух, слава богу... Погодите, это сейчас вообще не важно! Нам нужно спешить!

— Виноват! Ладно, пошли, нам нельзя терять больше... Ханаширо?

Я был уверен, что либо увижу ее далеко впереди меня, либо она будет стоять прямо рядом со мной, готовая помочь мне подняться, но ее не было ни там, ни тут. Она стояла, полностью замерев прямо на том месте, где я упал, и в неверии смотрела на один из упавших листов бумаги, который она сейчас держала в руках. Остальные листы были разбросаны у ног Андзу. Их тут должна быть как минимум добрая сотня.

— Ханаширо? — окликнул я ее снова, но ответа так и не последовало.

Если судить по тому, как двигаются ее плечи, то она находится на грани гипервентиляции, и точно не из-за того, что выдохлась после минутного спринта, так как она все-таки в гораздо лучшей форме, чем я. Что-то здесь точно было не так. Я встал на ноги и подбежал к ней.

— Что такое? Ты в порядке? — спросил я.

— Но... Но это же... — ошеломленно бормотала она себе под нос дрожащим голосом.

Я не был уверен, услышала ли она меня. Интересуясь, что там такого, я взглянул на лист бумаги из-за ее плеча. На нем были плохо нарисованные маленькие персонажи в ярко выделенных панелях, словно это манга... И правда, это выглядело как нарисованная ребенком манга. Что она вообще забыла в этом туннеле?.. Это была та еще загадка, но у нас не было времени просто стоять и разглядывать ее. Я снова взглянул на телефон и заметил, что одна минута уже прошла, отчего у меня на лбу выступил холодный пот.

— Ханаширо, нам нужно уходить.

Все еще никакого ответа. Она даже не повернула голову, чтобы посмотреть на меня. Вместо этого она упала на колени и начала рыскать по полу, бездумно собирая остальные листы бумаги.

— Ханаширо, прекрати! — крикнул я, но снова безрезультатно. — Какого черта ты творишь?! У нас нет на это времени!

— Просто уходи без меня!

— Что?! Ты с ума сошла?! Я не оставлю тебя здесь!

— Ну а я не оставлю здесь это! — выпалила она. В ее голосе были слышны безумие и горечь, словно она была жаждущим крови животным, чья нога угодила в ловушку. То отчаяние, с

которым она пыталась собрать все листы бумаги, ясно дало мне понять, что это не та Андзу, которую я знаю. Я быстро понял, что ни за что не смогу ее убедить, неважно, что я скажу, и на секунду я задумался о том, чтобы попытаться силой вытащить ее отсюда. Но это заняло бы слишком много времени.

— А-а-а, ладно! — проворчал я.

Я встал на колени и начал помогать ей собирать листы, что показалось мне лучшим вариантом. Как только все страницы были собраны, мы оба со всех ног рванули к выходу. Мы не могли потратить ни секунды на то, чтобы проверить время. Мы просто бежали, пока не оказались на другой, безопасной стороне врат тории, где время течет как обычно.

— Фух... Как же я устал...

У меня было огромное желание просто упасть на землю прямо здесь и сейчас, но я как-то смог удержаться и подождать, пока мы не выйдем из туннеля. Пока мы подходили все ближе и ближе к выходу, в туннеле становилось все ярче, и нас приветствовало нарастающее пение местного хора цикад. Как только мы вышли из тени туннеля на высохшую траву, на нас начало палить жаркое полуденное солнце.

Я взглянул на телефон. Сейчас был час дня шестнадцатого июля. Мы зашли в туннель ночью двенадцатого, что означало, что мы пробыли внутри три с половиной дня. Даже пожертвовав столько времени, мы все еще так и не выяснили, насколько далеко идет этот туннель. Мы смогли выяснить лишь то, что он должен быть длиннее трехсот метров.

Ну, наверное, мы кое-что нашли.

Я взглянул на пачку бумаги у себя в руках. Затем моргнул, и в ту же секунду она исчезла.

— Что...

Андзу выхватила ее у меня из рук с невероятной скоростью. Что бы то ни было, она явно не хотела, чтобы я увидел содержимое этих листов бумаги, и поэтому я смог разглядеть лишь самую малую часть.

— Эй, эм... Ханаширо? — спросил я, когда она повернулась ко мне спиной. — Что это за листы бумаги?

— Ничего...

— Что? Прости, я не расслышал. Почему бы тебе не развернуться и не сказать громче?

Андзу не шелохнулась.

— Э-э-эй?.. — сказал я. Ответа вновь не последовало. Потеряв терпение, я схватил ее за плечи и развернул сам. Однако, увидев ее лицо, я замер.

Глаза Андзу были влажными. Она плакала. Пока я стоял, не зная, что сказать, она вытерла глаза рукой и быстро вернула самообладание.

— Ничего важного. Не беспокойся об этом.

— Да ладно тебе... Ты же не думаешь, что я в это поверю?

Если бы эти листы бумаги не были такими важными, то она не стала бы ползать по земле и собирать их, словно бешеное животное. Как я заметил, бумага не была порвана или как-то испорчена, так что быть того не может, чтобы какой-то случайный прохожий выбросил их в туннель годы назад, особенно учитывая то, что они необъяснимым образом начали падать на нас с потолка. Моя догадка заключалась в том, что это была еще одна «невозможная» находка туннеля, как, например, сандалик Карен и наш старый домашний попугайчик. Но почему листы бумаги? И почему Андзу начала из-за них плакать?

— Это то, чего ты желаешь? — спросил я.

— Нет, — ответила она.

— Тогда что это? Просто скажи мне честно, я обещаю, я не буду осуждать.

— В объяснениях нет смысла.

— Ты не можешь знать этого наверняка. Это вполне может дать нам огромную зацепку для разгадки тайн этого туннеля.

— ...Я обещаю тебе, что не даст.

Голос Андзу немного дрогнул. Явно была какая-то причина, по которой она не хотела говорить мне правду ни при каких обстоятельствах. Мне было интересно, расколется ли она, если я скажу, что ее нежелание быть честной со мной может серьезно воспрепятствовать расследованию... но я решил не настаивать. Конечно, возможно, если бы я знал правду, то это дало бы нам новую зацепку, но если это вобьет клин между мной и Андзу, то это того не стоит. В конце концов, подобное недоверие также может помешать исследованию. Однако есть еще один вопрос, который мне так и не удалось задать.

— Тогда чего ты желаешь? Что ты хочешь пожелать у туннеля?

— Я... — начала Андзу, но затем сразу же остановилась, словно слова застряли у нее в глотке. Добрые десять секунд прошли перед тем, как она смогла пробормотать остаток предложения.
— ...Я не уверена, если честно. Наверное, я подумала, что придумаю что-то во время расследования.

— Погоди, серьезно?.. Ты рискуешь потерять годы жизни, даже не имея при этом конкретной цели?

— А, у меня есть цель, — парировала она. — Я хочу стать кем-то. Кем-то экстраординарным.

— Э... Хорошо? А экстраординарным в каком плане?

— Просто подумай об этом. Загадочное место, искажающее течение самого времени, но обещающее исполнить любое желание? Есть ли что-то экстраординарнее, чем отправиться в место, которое искажает законы Вселенной?

— Вот только я не уверен, что если ты переживешь что-то экстраординарное, то это сделает тебя экстраординарным человеком.

— А вот тут ты ошибаешься. Именно это и делает людей экстраординарными.

Моя голова начинала болеть.

— Но почему ты так одержима тем, чтобы стать экстраординарной? — спросил я требовательным тоном, встав на ноги, в то время как мое терпение подходило к концу.

Внезапно Андзу растерялась, словно ребенок, который потерял из виду свою маму, пока они ходили по супермаркету. Вообще, я в принципе никогда не видел ее настолько уязвимой. Затем, немного поколебавшись, она спокойно ответила:

— Когда мне было тринадцать лет, мой дедушка скончался.

Подул теплый ветерок, и над нами зашуршали листья. Внезапно, словно выброс адреналина, меня пронзило сожалением, и я мягко прикусил губу.

— ...Прости.

— Не нужно извиняться.

— Я так понимаю, вы двое были очень близки?..

— Не совсем... Я почти что не знала его. Я уже даже не могу вспомнить, как он выглядел.

— А, эм... Понятно...

— Но это все равно напугало меня, — продолжила она. — То, что он умер, но при этом практически ничего не изменилось. Типа, изменилось до жути мало. Конечно, несколько людей проронили слезы на его похоронах, но я могу гарантировать, что никто из них не оплакивал его уже спустя неделю. Рано или поздно смерть придет за каждым из нас, и нам просто нужно смириться с этим и продолжать жить, пока в конечном итоге мы сами не откинемся. В конце концов, отрицание данного факта не остановит жнеца. Затем, когда ты умрешь, все следы твоего существования медленно канут в небытие и затеряются в песках времени. Лишь за небольшим исключением, большинство живущих сегодня людей будут совершенно забыты уже через двести лет. Вот что смерть моего дедушки заставила меня осознать.

Ее тон постепенно становился все более серьезным.

— Это весьма печально, ты так не думаешь? Мысль о том, что ты умрешь, не оставив после себя абсолютно ничего. Что от твоего существования мир не изменится ни на йоту. Знаешь, это заставляет задуматься, в чем же тогда смысл жизни? Типа, почему мы вообще здесь? Зачем всю жизнь лезть вон из кожи, если ты будешь только страдать, а после смерти — забыт? Поэтому меня так сильно и пугает быть обычной. Поэтому я и стремлюсь стать кем-то. Кем-то, кого запомнят. Кто оставит незабываемый след в этом мире. Кем-то экстраординарным.

Я был поражен, не зная, что сказать. Андзу совершенно внезапно заговорила про полноценный экзистенциальный кризис. И я не мог ответить на что-то подобное уклончивым «Да, понимаю» или «Сам бы лучше не сказал». Я должен уважать ту искренность, с которой она подбирала слова, и ответить тем же.

Я думал о том, что же мне сказать. Думал долго, но так ничего и не придумал. В моей голове было пусто. Я не смог придумать ничего, что хоть немного бы казалось настолько же осмысленным как то, что сказала Андзу. И, наверное, этого стоило ожидать, так как она, скорее всего, провела месяцы или даже годы, развивая такой взгляд на жизнь. Я ни за что не смогу придумать настолько же пронзительный ответ за каких-то пару секунд... И в то же время я также не мог заставить себя признать такое мировоззрение, просто промолчав. И вот, после небольшой паузы, я сказал самую глупую вещь, до которой только можно додуматься.

— Да уж, много же ты болтаешь, когда чем-то увлечена.

Самый ли я тупой человек в мире? Вполне возможно.

— ...Серьезно? Мне, знаешь ли, потребовалось немало храбрости, чтобы рассказать об этом. — Андзу уставилась на меня, прищурив глаза. — Я никогда и никому об этом не рассказывала.

— П-прости, — извинился я в панике. — Просто это было так внезапно, и я не знал, что сказать, так что я...

— Все в порядке. Это все равно сняло мне камень с души. Теперь-то ты понимаешь, к чему я веду? Почему именно я хочу исследовать Туннель Урашимы?

Если быть честным, то должен сказать, что да, я понял ее точку зрения. Однако я вообще не мог с ней согласиться. В отличие от нее, у меня не было никакого желания стать кем-то особенным или знаменитым. Типа, ее философия подразумевает, что любой, у кого нет амбиций, является либо ленивым, либо неудачником. И что плохого в том, чтобы быть обычным? Зачем тратить всю свою жизнь на то, чтобы оставить неизгладимый след в этом мире, если к тому моменту тебя все равно уже не станет? Предполагая, что свобода выбора существует, если человек удовлетворен простой жизнью, то зачем ему стремиться к большему? Кому нужны взлеты и падения? Кому нужна радость от завершения своего художественного произведения, которая длится лишь мгновение, если при этом ты пробудешь в депрессии оставшиеся девяносто девять процентов времени, пока находишься в творческом тупике? Жизнь слишком коротка, и если жизнь простого обывателя означает, что на всем ее протяжении у тебя будет стабильный уровень счастья, то что в этом плохого?

Но даже так у меня, очевидно, нет никакого права решать, были ли причины Андзу исследовать Туннель Урашимы «достаточно серьезными». Неважно, согласен ли я с ее мотивами, она несомненно не собирается бросать это расследование, даже если ей придется заниматься им без меня. Было легко заметить ее силу воли и инициативность. Если честно, мне не хотелось, чтобы наши пути разошлись, даже несмотря на наши противоположные взгляды на жизнь. Так что я прекрасно знал, что именно мне нужно сказать.

— ...Да. У меня больше нет никаких сомнений, что ты настроена абсолютно серьезно.

— Точно? — настояла Андзу. Я решительно кивнул, и на ее лице появилась расслабленная улыбка. — Ну тогда хорошо.

Кажется, меня простили. Однако меня все еще терзало небольшое чувство вины. Мне пришлось бороться с сильным желанием отвести от нее взгляд.

По итогу сегодня мы успели прийти лишь на шестой урок. Само собой разумеется, Хамамото-сенсей отчитала нас по полной программе, когда мы наконец-то прибежали в школу. Если честно, я не был уверен, зачем мы в принципе пришли сегодня в школу. Я очень громко зевнул прямо посреди урока, и учитель математики сразу же бросил на меня суровый взгляд, так что я быстро склонил голову, извиняясь. Сейчас вторник, два часа дня, однако по моим внутренним часам было лишь раннее субботнее утро, и потому мне было весьма тяжело бороться со сном, при том что я пытался слушать учителя. Я покрутил ручку пальцами правой руки, пытаясь удержаться от очередного зевка. Мой мозг совершенно не запоминал материал урока, и все, о чем я мог думать, это Туннель Урашимы.

В легенде о туннеле есть два ключевых аспекта: во-первых, он искажает течение времени, а во-вторых, он может исполнить любое желание тех, кто войдет в него. Мы смогли подтвердить правдивость первого, а вот со вторым все не так радужно, и это начинает меня беспокоить. Мое желание точно не состоит в том, чтобы воссоединиться со своим мертвым питомцем или найти сандалик сестры, и если верить Андзу, то те листы бумаги также не являлись тем, чего она желала. И вот тут возникает вопрос: а почему туннель создает подобные вещи? Он создает случайные значимые для человека вещи, доставая их из его памяти? Нет, тут должен быть какой-то принцип. В моем случае он словно понял мое истинное желание, а затем начал дразнить меня, создавая разнообразные вещи, которые тесно с ним связаны, но не являются тем, чего я хочу на самом деле.

Внезапно мне вспомнился рассказ об обезьяньей лапке. Это короткая страшилка, которую мне задали перевести на уроке английского в средней школе. Суть рассказа заключается в том, что данная лапка исполняет три желания своего владельца, но только окольным путем, пользуясь лазейками в формулировке желания. По большому счету это лампа джина, но гораздо коварнее. В рассказе мужчина и женщина, которые желали о большой сумме денег, получили эту сумму, но только в качестве компенсации за смерть их сына, которая произошла на следующий день в результате ужасного несчастного случая на его работе. Затем, когда они пожелали вернуть своего сына к жизни, к ним в дверь постучался его изуродованный, разлагающийся труп.

В каком-то смысле, возможно, то, как Туннель Урашимы исполняет желания, работает схожим образом с обезьяньей лапкой, хоть и без подобных зловещих неожиданных поворотов. С другой стороны, возможно, в нем есть некоторая недоброжелательность. Типа, он подождал, пока я не соберусь пойти обратно, и только тогда положил передо мной сандалик Карен, что кажется мне слишком уж большим совпадением. То же самое случилось и с Ки, нашим попугайчиком. Туннель словно создает наживку, на которую привлекает свою жертву, в данном случае меня, все глубже и глубже.

Теперь, когда я об этом думаю, если поразмыслить об этом объективно, то это и правда выглядит так, словно я захожу прямиком в какую-то ловушку. И если за Туннелем Урашимы и правда работают злые силы, то что, если он исказит мое желание, как обезьянья лапка, и вернет мне Карен, но каким-то странным и жутким образом?.. Мне не хотелось рассматривать эту возможность.

Пытаясь вытряхнуть эту тревожную мысль у себя из головы, я взглянул на календарь, нарисованный мелом на доске. Летние каникулы были не за горами.

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/78500/2451767>